

Анна Одувалова

В когтях тигра

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Анна Сергеевна Одувалова

В когтях тигра

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10396493
В когтях тигра: Роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-2021-6

Аннотация

Обычная петербургская студентка Лика Романова, которая как магнит притягивает неприятности, и предположить не могла, что нелепая случайность круто изменит ее жизнь. Оживут древние легенды, проснутся дремлющие артефакты, и девушку начнут преследовать таинственные существа, по следу пойдет тысячелетний тигр-оборотень, а обычный преподаватель корейского языка – мечта всех девчонок курса – окажется не так прост и будет защищать ее даже ценой собственной жизни.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Одувалова

В когтях тигра

Пролог

Хенсон, 1898 год

Нужно было бежать очень быстро, хотя Чжи Вон смутно представлял куда. И как долго еще нужно продержаться. Опасность подстерегала повсюду – пряталась в темных подворотнях, ползла по крышам и проникала сквозь стены. С ней нельзя было справиться, только бежать. Дед, которого не осталось в живых, смог разгневать того, чья сила и власть не имели границ.

Узкие, темные, петляющие улицы слились в одну бесконечную дорогу, похожую на извивающуюся змею. Хотелось упасть на пыльную землю, сжаться в комок и сдаться на милость сильнейшего, но дед сказал: «Беги, пока можешь дышать, – это важно», – и нужно было исполнить его просьбу. А воля умирающего деда – больше чем просто слова. Приказ, ослушаться которого нельзя.

Совсем еще маленький мальчишка скрывался в тени домов и низко припадал к пыльным, утоптаным тысячами ног улицам, пробираясь к портовому району города. Ночью здесь было безлюдно и тихо. Люди боялись и прятались в дома, отгораживаясь стенами от тех, кто хозяйничал в городе. Дед сказал: «У берега корабль с русскими. Он последний. Больше кораблей в далекую северную страну не будет. Военное сотрудничество прервано, и там, далеко за морем, безопасно. Там можно скрыть пинё от Него».

Чжи Вон не знал, кто «Он», и не понимал, что такого особенного в обычном женском украшении, но сжимал простые костяные пинё сильнее и бежал, несмотря на то, что легкие горели от боли. До порта осталось совсем недалеко – несколько кварталов, но их еще нужно преодолеть, а Чжи Вон уже выбился из сил. Он знал, что за ним будут гнаться не обычные люди, но когда из темных углов багряным туманом сползли и преградили дорогу вонгви, опешил и инстинктивно попятился назад. Страх липкий, заставляющий дрожать колени, мешал думать и действовать, но мальчишка сглотнул, зажмурился и кинулся вперед, подныривая под полупрозрачными фигурами неповоротливых вонгви.

Твари не действовали сами по себе, они находились в подчинении у кого-то более страшного и могущественного. Чжи Вон чувствовал подавляющую силу людей или нелюдей, идущих по его следу. Они спешили, так как прекрасно понимали, что далеко за морем им не найти пинё. Неужели невзрачное украшение стоит жизни?

«Плакать нельзя» – так говорил дед, сплевывая кровавую слюну. Нельзя. Слезы – это слабость, а слабость – это смерть. Вот Чжи Вон и не плакал. Он тратил все свои силы на то, чтобы успеть. Далекий гудок известил о том, что корабль отходит, а до порта было еще далеко.

Неправильно! Дед сказал, его должны дождаться! Они не могут уйти без него. Сердце стучало в груди, как испуганный воробей, тошнота от усталости и страха подкатывала к горлу, а на затылке чувствовалось ледяное и смрадное дыхание вонгви.

Брошенная красная тряпка с защитным символом, нарисованным кровью, должна была задержать их ненадолго. Чжи Вон оставил ее до последнего момента и сейчас кинул, надеясь, что дед был прав и знал, что делал. Духи замерли, очарованные красным лоскутком, который в темноте казался буро-коричневым, и начали кружить над ним, а Чжи Вон бросился со всех ног к кораблю.

Дед не обманул. Его действительно ждали – непривычно высокий мужчина со светлыми, но не седыми волосами и глазами неестественного голубого оттенка подхватил мальчишку на руки, поднялся на палубу и скрылся в каюте.

К тому времени, когда на причале появились несколько разозленных мужчин, корабль уже смотрелся чайкой, присевший на волны, над которыми занимался рассвет.

Глава 1

Питер, наши дни

– Оп-па¹... – мечтательно протянула Ленка, которая сидела по правую руку от меня. Она томно вздохнула, и узкая блузка опасно натянулась на полной груди – пуговички были маленькие и постоянно расстегивались. Подозреваю, Ленка прекрасно об этом знала и именно поэтому из блузки не вылезала. Я закатила глаза, демонстрируя отношение к всеобщему помешательству, и уткнулась в тетрадку.

В аудиторию вошел он – мечта всех девчонок нашего курса – преподаватель корейского языка Ли Ком Хен. Он просил называть себя Ли-сонсенним², но для нас это было как-то непривычно и дико, поэтому мы между собой сокращали до почти панибратского «Ком Хен», а на парах первое время читали обращение по бумажке. Потом, правда, привыкли.

Он был, пожалуй, даже слишком высок для среднестатистического корейца и, наверное, красив. Я общих восторгов своих дорамосдвинутых подруг не разделяла, потому что корейских сериалов не смотрела, а Ли Ком Хен панически боялся, как и предстоящего через пару месяцев экзамена. Корейский мне давался с великим трудом, и я уже раз двадцать пожалела, что именно его выбрала как второй язык для изучения в университете.

Зато остальные мои одногруппницы усиленно зубрили чамо хангыля³ и мечтали, что когда-нибудь Ли Ком Хен бросит на них хоть один равнодушный взгляд. Но преподаватель, как и положено настоящему азиату, был отстранен, сдержан и строг. А еще безупречен во всем: в манерах, в вежливой, иногда мелькающей на губах улыбке и в одежде. Костюмы на нем не мялись, к ботинкам не прилипала пыль, а воротник белоснежной рубашки всегда оставался свеж. И это лично меня раздражало, особенно воротник! Ли Ком Хен казался человеком-роботом, а, значит, на экзамене придется туго. Не помогут ни слезы, ни уверения «нуяжеучила». А это плохо, так как знания, которые он каждую пару вкладывал нам в головы по чайной ложке, не задерживались, и оставалось все меньше шансов сдать экзамен своими силами.

Но до сессии еще было время, и я уже второй месяц с интересом наблюдала за тем, как стайка восторженных первокурсниц пытается растопить ледяное сердце преподавателя. Было интересно, что победит: холодная сдержанность Азии или русский азарт. В общей охоте участия не принимали всего трое – две девчонки, у которых были парни, ну и я, так как изучать язык пришла совсем не из-за любви к киноискусству Юго-Восточной Азии.

– Не понимаю! И зачем тебе корейский при таком раскладе? – Вопрос эффектная блондинка Ленка задавала мне уже раз пятнадцатый с начала обучения.

Я только пожимала плечами. Не пересказывать же всем, что корейской крови во мне совсем чуть-чуть, но она есть. Моего прапрадеда на рубеже веков привез из Кореи в качестве слуги один морской офицер. Нерусская фамилия затерялась в поколениях, и моя бабушка стала Романовой, а в чертах ее сына почти не осталось ничего корейского, как и в моих. Но это не мешало стремиться как можно больше узнать о родине своих предков.

Но, безусловно, моя причина для изучения корейского языка была намного более прозаичной, чем пламенные увлечения сокурсниц. В нашей подгруппе не было ни одного парня.

¹ **Оп-па** – обращение, которое используется лицами женского пола по отношению к старшим братьям, либо (в неформальной обстановке) по отношению к молодым людям старше их (кор.).

² **Сонсенним** – вежливое обращение к преподавателю (учителю) (кор.).

³ **Чамо хангыля** – основные блоки, из которых состоит корейская письменность. Хангыль – фонематическое корейское письмо (кор.).

А девчонки делились на две категории, те, кто пришел изучать язык из-за сериалов и Со Жи Сопы, на которого, по мнению большинства, походил Ком Хен, и те, кто сразу же потерял голову от самого преподавателя (эта часть сходство с популярным актером отрицала). Одна я чувствовала себя не приобщенной к прекрасному белой вороной.

Я старательно выводила загогулины рукой, дрожащей, как в первом классе, прилежно слушала Ли-сонсеннима и чувствовала себя глубоко несчастной. К концу пары рука дико затекла, я, как всегда, половину нового материала не поняла, а значит, придется задержаться и уточнить несколько моментов. Но это было не так-то просто. Ком Хена атаковали. Иногда казалось, что мои сокурсницы рано или поздно разберут бедного корейца на сувениры. Интересно наблюдать, как на его холеном лице упорно борются два выражения – брезгливость и азиатская сдержанная вежливость. Ли-сонсенниму было нужно намного больше свободного пространства, чем русским жаждающим внимая девам, и он постоянно отступал к стене, норовя спрятаться за преподавательскую кафедру.

Наших валькирий это не останавливало, и они шли напролом. Наблюдая за эпической битвой, я вытащила из волос две старинные шпильки пинё – семейная реликвия, передающаяся по наследству. Им больше ста лет, а они до сих пор смотрятся красиво и изящно – обычные костяные, но практичные и как новые. Их будто не брало время. Мои тяжелые, не поддающиеся укладке волосы, доставшиеся от корейских предков, шпильки удерживали замечательно.

Девчонки наконец-то отстали от Ком Хена и вышли в коридор, а я заколола волосы в высокий пучок и посмотрела на преподавателя с мольбой во взгляде.

– Анжелика, у вас опять проблема? – вздохнул он и произнес с едва заметным акцентом. – Что вы не поняли на этот раз?

– Ничего! Ровным счетом! – честно ответила я и, порывисто поднявшись из-за парты, начала закладывать в сумку ручки, тетради и прочие безделушки, которые непонятно зачем нужны на паре. Попутно пыталась объяснить, что же именно мне непонятно, но казалось, будто говорю я с воздухом. Первое время это ужасно нервировало, но потом я привыкла к тому, что преподаватель немногословен. Во время моих нескончаемых монологов он обычно молчал, а после выдавал короткий и емкий ответ. В этот же раз из-за моей неуклюжести все пошло не так.

Согнувшись над сумкой, я не заметила, что Ком Хену надоело сидеть за столом и он бесшумно подошел сзади. Случившееся дальше – банально и глупо. Нет, Ком Хен не стоял слишком близко, он вообще старался держаться на расстоянии ото всех. Это мое тотальное невезение, помноженное на привычку сшибать углы и налетать на все, что можно! Я уронила сумку, инстинктивно отпрыгнула, чтобы она не упала на ногу, нелепо дернулась, взмахнув руками, и резко вскинула голову, а Ком Хен в это время, видимо, немного наклонился! Перед глазами вспыхнули искры. Острые шпильки впились в затылок, заставив меня взвыть. Эффект от нелепой ситуации усилили на долю секунды мигнувший свет и неподобающая фраза, которую сдавленно пробормотал преподаватель у меня за спиной.

«Вот черт!» – пронеслось в голове.

Даже невозможно было представить, что сдержанный Ли-сонсенним знает такие выражения. Я испуганно развернулась и охнула. На всегда безупречно чистом воротнике белоснежной рубашки преподавателя была кровь. Она капала из носа, который Ком Хен зажимал рукой, и струйкой стекала по подбородку. Выглядел Ли-сонсенним устрашающе. Мигающий из-за неожиданного перепада напряжения свет усиливал сходство с кадром из дешевого боевика. «Кинематографичненько», – сказала бы Ленка.

У меня сердце ушло в пятки, а живое воображение нарисовало яркую картинку моего отчисления в зимнюю сессию.

– Давайте помогу! – Я кинулась вперед, надеясь хоть как-то исправить ситуацию, но он шарахнулся, словно от прокаженной. В черных раскосых глазах вспыхнула такая ярость, что я испуганно замерла на месте, не рискуя сделать и шага. Было обидно до слез и немного жалко Ли Ком Хена. Сложно представить ситуацию более глупую. Если раньше Ли-сонсен-ним относился ко мне с изрядной долей снисхождения и терпеливо объяснял непонятные моменты после занятий, то после этого случая, думаю, станет выгонять из аудитории самой первой. Кто захочет оставаться в одном помещении с ходячей катастрофой?

– Простите бога ради... – Я сглотнула и попыталась подобраться чуть ближе. Мигающий свет ламп уже изрядно нервировал. У меня был старший брат, и разбитых носов я в своей жизни видела немало. Хорошо бы приложить лед, только где же его в аудитории возьмешь? – Давайте я вам все же помогу, а?

– Нет уж, Романова! – прошипел преподаватель, прикладывая к разбитому носу платок. – Вы уже помогли! Так помогли, что даже представить себе не можете! Хватит! Не подходите, прошу вас.

Внезапно стало страшно. Ком Хен был нетипично высок, и рядом с ним я чувствовала себя букашкой, которую сейчас раздавят. Он смотрел на меня разъяренным, пронизывающим насквозь взглядом, от которого подгибались ноги и хотелось сбежать, что я и сделала. Я вообще не привыкла противиться своим порывам. Практика показывала, что они чаще всего самые правильные.

– Еще раз извините, – пробормотала я, подхватила сумку и бросилась к выходу, удравшись по пути об угол стола. Ойкнула, но даже не затормозила.

Вот уж чего я не ожидала от невозмутимого, немного странного преподавателя, так это того, что он погонится за мной.

– Романова, стоять! – крикнул Ком Хен настолько грозно, что я пискнула и припустила быстрее. Благо аудитория находилась на первом этаже и не нужно было спускаться по лестнице. Подозреваю, на высоких шпильках и негнущихся ногах крутые ступени я бы одолеть не сумела.

Я не понимала, что от меня нужно разгневанному корейцу, но твердо знала – ничего хорошего меня не ждет. В лучшем случае отправит в деканат объясняться, а мне нечего им сказать, кроме очередного и глупого «извините».

Наша погоня по коридорам привлекла внимание как студентов, так и некоторых преподавателей, и Ком Хен, обычно сдержанный, невозмутимый и, видимо, небезразличный к своему имиджу, сдался первым. Похоже, пристальное внимание ему было ни к чему, а мне уже стало без разницы, что обо мне подумают. Поэтому я, наплевав на куртку, оставшуюся в гардеробе, выскочила на улицу под проливной холодный дождь. Покрутила головой по сторонам и без приглашения нырнула на переднее сиденье «ауди» к Сережке Бехтереву.

– Ты не обнаглела ли, Романова? – Парень даже поперхнулся. Друзьями мы не были, да и приятелями, по сути, тоже, просто проучились два месяца в одном потоке и, естественно, друг друга знали, но не больше, поэтому я даже не обиделась на грубый тон, только сделала «глаза кота из Шрека» и взмолилась:

– Поехали отсюда быстрее, а?

– С чего бы? – нахмурился Серега, видимо окончательно зверея от моей наглости. Между его густыми светлыми бровями пролегла складка. Пришлось объяснять.

– Ком Хену нос разбила... – понурившись, призналась я. – Никогда его таким злым не видела. Да что злым! Взбешенным... Серега, будь другом, поехали! Отвези меня хоть до метро, пожалуйста?

– Это ты от него, что ли, бежала? – Серега ухмыльнулся. К нему возвратилось благодушное настроение, и парень дал газу. Судя по всему, объяснение моей спешки ему понравилось. Если девчонки от Ком Хена млели, то парни его откровенно недолгобливали и демон-

стративно между собой именовали «гей». А то и нашим русским, более крепким словом, порицая выбор прекрасной половины группы, возжелавшей почти полным составом учить корейский.

– От него. Слушай, я, когда мы на той неделе три километра на физре сдавали, и то так быстро не бежала! Так Эдуардыч нас до зачета обещал не допустить зимой и заставить пересдавать по сугробам, если в норматив не уложимся.

– А зачем нос-то разбила? Приставал, что ли?

– При... – поперхнулась я, внезапно представив, как все это со стороны выглядит. Картина совершенно не понравилась, и я мысленно застонала. Слухов теперь не оберешься! Завтра об этом происшествии все судачить будут. Осталась одна в кабинете с преподавателем и не просто преподавателем, а молодым и красивым, по которому весь университет сохнет, а потом убежала с вытаращенными глазами и чуть ли ни с воплями «Спасите!», а он неся следом, закрывая окровавленным платком разбитый нос. Ужас!

Я закрыла глаза и откинулась на сиденье. Просто катастрофа! Причем вселенского масштаба! Более дурацкого начала недели я себе представить не могла. И самое главное, даже оправдаться не выйдет, хотя попытаться стоило.

– Да не приставал он ко мне! – осторожно начала я, искоса поглядывая на откровенно подхихикивающего парня. – Случайно все вышло...

– Ага, рассказывай! Знаю я тебя, Романова, у тебя вечно одни эмоции. Сначала, наверное, кулаком заехала, а теперь жалеешь. Вы же все по нему сохнете или просто о сессии беспокоитесь? – Серега противно заржал, а у меня действительно зачесались кулаки, но сдержаться я смогла. Парень преувеличивал мою эмоциональность и несдержанность.

Правда, в одном Серега, безусловно, был прав – с сессией у меня теперь точно будут проблемы. От таких мыслей я загрустила и молча уставилась в окно на подернутую туманной дымкой унылую питерскую хмарь. Осень в городе на Неве была особенно тоскливой и печальной. Почти никакого золота и багрянца, алых всполохов кленов, зато много серого неба, косого дождя и ветра. А у меня куртка в раздевалке университета. Что за невезение? Бегать в ажурном свитерке под ливнем не очень приятно, но упрашивать малознакомого парня отвезти меня до дома совсем не хотелось. Я и так без спроса залезла к нему в машину, нагнать и дальше казалось неуместным. Впрочем, он, видимо тронутый за душу моей историей, предложил довезти до дома сам. Я не стала отказываться.

– Спасибо тебе, Сережечка! – совсем искренне поблагодарила я, выскакивая под непрекращающийся противный дождь.

– Не за что, Романова. – Парень снова ухмыльнулся. – Ты мне сегодня день сделала! Такая история! Просто бомба. За это я бы тебя не то что до дома, до Москвы бы бесплатно докинул!

Я махнула на прощанье рукой и уныло побрела к подъезду. Можно было попросить Серегу молчать о случившемся, но я подозревала, что эта просьба не будет услышана. Похоже, меня впереди ждало веселое время. Заманила препода, очаровала и дала в нос! Да меня за это живьем съедят его поклонницы. Хуже всего, что и Ком Хену, вероятно, придется несладко. Слух о том, что он приставал к студентке и за это получил в нос, быстро разнесется по всему вузу, и ни его, ни мои слова не будут иметь значения. Они ведь не так интересны, как выдумка. И не нужно обладать качествами прорицательницы, чтобы понять, на ком преподаватель отыграется. А я так надеялась, что сдам первую сессию быстро и с первого раза.

Я открыла подъездную дверь и взбежала по лестнице на пятый этаж. Мои сокурсники считали меня счастливицей, потому как жила я одна. Пусть на окраине Питера, пусть в совсем крохотной квартирке. Но квартира была моя, и у меня не имелось соседей. От всеобщей завистливой ненависти меня спасало то, что я всегда была компанейской, философ-

ски относилась к бардаку и терпела у себя гостей. Даже не отказывалась, когда ко мне хотела завалиться вся группа. Правда, дни посещений были обговорены еще в первую учебную неделю – среда и пятница. Даже объявление на двери в квартиру соответствующее висело. В остальное время я наслаждалась свободой и одиночеством, не стесняясь выгонять слишком уж настойчивых посетителей.

Квартира мне досталась от бабушки. И когда я поступила учиться в университет в Питере, вопрос о том, где жить, не стоял. Многие не понимали. Можно было бы сдавать и жить в общежитии, но я привыкла к своему углу, да и маме так спокойнее.

Мне было тут уютно. Маленькая кухонька со старым гарнитуром и узким икеевским диванчиком, а также светлая комната, которую почти полностью занимал угловой диван темно-синего цвета. Еще из мебели у меня имелся журнальный столик и встроенный шкаф. Я подумывала над покупкой письменного стола, но пока не представляла, в какой угол его приткнуть, поэтому делала все университетские задания, лежа на диване с ноутбуком или планшетом в обнимку. Обстановку завершали книжные полки и парочка стульев. Приходящие гости говорили, что не хватает телевизора, но лично мне он был совершенно не нужен. Я не понимала, зачем он, если есть выход в интернет – там тебе и новости, и кино, и музыка.

День вымотал. Я скинула джинсы и промокший под дождем свитерок, натянула на плечи тонкий шелковый халатик до пят вызывающе алого цвета. Мне его подарила лучшая подружка на день рождения, мотивировав свой выбор так: «Молодой красивой девушке, переезжающей жить в собственную квартиру, просто необходим алый пеньюар!» Честно сказать, мне подошел бы совершенно любой. Старый халатик выглядел непрезентабельно, поэтому подарок подружки я с удовольствием носила, хотя, подозреваю, дарила она мне его для иных целей.

Я была не голодна, но достала из холодильника йогурт и завалилась на диван и открыла интернет. Настроение было ни к черту, разболелась голова, лезли дурные мысли, и совсем не хотелось идти завтра в университет. Я была уверена, что меня ожидает неприятный поход к декану, выговор и нескончаемый поток глупых вопросов от сокурсниц. Хорошо, если в драку никто не полезет. Чувало мое сердце, что статус «врага народа» мне обеспечен. И ведь никому ничего не докажешь!

Самое печальное, что вряд ли теперь получится поменять язык изучения. Группы давно сформированы, а меняться через два месяца никто не захочет. Не думаю, что так много студентов, которые разбивают преподавателям носы.

Йогурт закончился быстро, и я продолжила утешаться шоколадкой, которую кусала прямо от плитки. Настроение постепенно выравнивалось, и я все же уговорила себя перестать думать о сегодняшнем неприятном происшествии, хотя это было нелегко.

Небо за окном затянули плотные сизые тучи, и стремительно стемнело. Свет включать не хотелось, было лень вставать, да и незачем – экран ноутбука я и так видела замечательно.

Когда позвонила Ленка, я долго не хотела брать трубку, прекрасно зная, о чем пойдет речь, но потом поняла, что молчание может быть расценено как угодно и точно не в мою пользу, поэтому недовольно ответила:

– Чего тебе нужно?

– Романова, ты что творишь?! – Ленка наезжать начала без предисловий, впрочем, иного я и не ожидала. Наша староста была пробивной, бесцеремонной и иногда хамоватой, зато искренней и открытой, за что я ее уважала, потому как любить Ленку было проблематично из-за отвратительного характера.

– Лен, ну вот что я сделала, а? – простонала я в трубку. Судя по Ленкиному тону, история обросла неизвестными подробностями, и мне очень хотелось их услышать.

– Ты же говорила, что тебе, видите ли, нравятся обычные русские мужики? Так какого фига ты к нашему Хену пристаешь? А?

– Лен, о чем ты? Совсем уже у вас крыша поехала с этим корейцем!

– Романова, не отпирайся! – наседала на меня Ленка. – Весь универ видел! Ты сначала с ним в кабинете осталась, а потом, когда он, так сказать, к активным действиям перешел, долбанула ему сумкой по физиономии и сбежала! Вот кто ты после этого, а? Ни себе ни людям!

– Ле-э-эн... – предприняла я очередную попытку оправдаться, но была прервана. Голос Ленки изменился и стал заискивающим.

– Расскажи хоть... как он целуется?

– Да не знаю я, как он целуется! – проорала я в трубку, свирепея. – Напридумывали себе невесту что! Это вы там спите и видите, когда же он обратит на вас свое царственное внимание, а мне нужен нормальный русский парень, а не престарелый кореец!

С «престарелым» я, конечно, переборщила. Ли Ком Хен объективно был хорош собой, подтянут и давал сто очков форы любому студенту, но сути это не меняло. Он никогда меня не привлекал. Ну не рассматривала я его как объект романтической привязанности. Преподаватель все же, да и старше намного. Лет на десять так точно. Он на меня и не посмотрит, как и на всех остальных – зачем ему глупые девчонки? Ну и я не смотрела. К тому же при взгляде на него я вспоминала предмет, который он ведет, и предстоящую сессию. Я вообще до сегодняшнего дня о Ком Хене думала не чаще, чем о других преподавателях!

Как ни странно, на Ленку мои аргументы возымели действие, и она уже спокойнее поинтересовалась:

– А тогда что у вас произошло?

– Глупость! – успокаиваясь, буркнула я и пересказала старосте случившееся, молясь, чтобы она поверила и не пошла распространять дальше ложные, но очень увлекательные слухи.

Ленка прониклась и даже мне посочувствовала, а я со злости и беспомощности запустила телефоном в угол дивана и, раскинув руки, рухнула на подушки, чувствуя, что голова напоминает чугунный колокол.

Еще бы! Оказывается, шпильки я так и не вытащила. Только потянулась, чтобы распустить волосы, как почувствовала нечто странное. Липкий страх поднимался мурашками по спине, дыхание участилось, а ладони стали влажными. Я еще не поняла, что мне угрожает опасность, но уже иррационально боялась и искала возможность скрыться. Для начала села на диване и поджала ноги, а потом повернула голову и оцепенела от ужаса.

Из плотно прикрытого окна сквозь шторы в комнату просачивался бордово-розовый непонятный дымок, заметный даже в сумерках. Он был непрозрачным. Не такой, как дым костра, а плотный, словно испачканные кровью куски сладкой ваты, которую подхватил ветер.

Я сглотнула, чувствуя, что крик застревает в горле, и попыталась в сторону от дыма, струи которого становились все толще и толще. Рука сама нащупала выключатель. Вспыхнул свет. Я тайне надеялась, что он разгонит морок. Я не верила своим глазам и не понимала, что это такое, но нутром чувствовала – ближе соваться не стоит. Почему-то твердо была уверена – нечто, просочившееся ко мне в дом, опасно.

Багровый дым уплотнился, превращаясь в двух аморфных тварей, больше всего похожих на привидения из старых мультиков. Только привидения там были белые или полупрозрачные, а не багровые с черными угольками глаз и хищным оскалом.

Первое, что я сделала, – это завизжала и метнула в ближайшую тварь мобильником, подхваченным с дивана. Так получилось, что он оказался единственным доступным оружием. Не подушкой же швыряться? Попад в багровую дымку, из которой состояло тело твари, мобильник мигом оплавился, скукожился и звякнул по полу где-то в дальнем углу

комнаты. После этого мне стало еще страшнее. Передо мной возвышались не причуды больного воображения, а нечто смертельное.

От мерзкого шипения по спине пробежали мурашки, и я сжалась от страха. Твари метнулись ко мне, протягивая свои щупальца-отростки с загнутыми когтями. Я взвизгнула и взлетела на спинку дивана, инстинктивно поджимая ноги. Никогда не думала, что смогу передвигаться настолько быстро, только вот развернуться у меня в квартире было совершенно негде.

Твари наступали, заставив скатиться за диван и забиться в угол. Надо мной нависала оскаленная пасть. Скрюченные когти тянулись к лицу, которое я безуспешно пыталась прикрыть рукой. Но алый шелковый рукав вряд ли мог послужить серьезной защитой. Первая тварь замерла прямо предо мной, но не решалась почему-то сделать последний смертельный бросок. Она клацала зубами возле моего уха, а я верезжала, плохо отдавая себе отчет в том, что делаю.

Глава 2

Из коридора послышался грохот, глухой удар и треск древесины. Я испуганно подпрыгнула, а твари с шипением шарахнулись в сторону, однако от меня не улетели. Они вели себя очень странно. В черных бездонных глазах светилась жажда крови, твари бросались на меня с яростью, но замирали и не решались убить, словно их что-то останавливало. Но с каждой минутой нагтели все больше и подбирались ближе. Если бы не грохот, возможно, они бы кинулись на меня и все же сожрали или просто убили. Я не представляла, что именно хочет сделать со мной окровавленная сладкая вата с когтями.

Кого я совершенно не ожидала увидеть в своей квартире, так это Ли-сонсеннима, который, похоже, услышал мой визг и выломал дверь. В его облике что-то неуловимо изменилось, и дело не в одежде – вместо делового костюма светлые вытертые джинсы и короткая кожаная куртка. Изменились повадки, движения и взгляд. Он стал ледяным. Увидев нависших надо мной багровых тварей, Ли Ком Хен не испугался и не удивился, а весь подобрался, словно хищник, готовый к прыжку. Слегка тряхнул кистью, и в руке появился странный нож с огненным переливающимся лезвием, на котором проступали черные символы, больше всего похожие на чамо хангыля.

Я не была уверена, что рада его приходу. Во-первых, он видел тварей, а значит, они действительно реальны, а не плод моего больного воображения. Во-вторых, я не думала, что вдвоем умирать веселее. И я не верила в то, что с тварями можно справиться. Но Ком Хен, похоже, считал иначе. Он двигался плавно и красиво. Первый же выпад в сторону аморфной клыкастой твари завершился удачей. Огненное лезвие прошло сквозь ватное тело, и создание с визгом истаяло в воздухе. Вторая тварь оказалась проворнее, хитрее и быстрее. Она уплывала от лезвия, раздваивалась и пыталась подобраться ближе ко мне, но Ком Хен запрыгнул на диван и закрыл меня спиной. В какой-то момент мужчина скинул куртку и остался в ярко-красной майке. Тварь злобно зашипела и шарахнулась в сторону, но почти сразу возобновила нападение. Я сделала вывод, что окровавленной сладкой вате не нравится красный цвет. От моего халата она тоже шарахалась.

Под защитой Ком Хена было спокойно, пришла уверенность, что меня не дадут в обиду. Слезы прекратились, и я больше не визжала, возможно, потому что видела перед собой только спину в ярко-красной майке и то, что находится ниже. К слову сказать, задница у Ком Хена была хороша, и я всеми силами старалась на нее не смотреть, но вариантов было немного. Можно было чуть поднять голову и любоваться играющими мышцами спины. Страх растворился, а дыхание перехватило. Только увидев его в неформальной одежде, заметив сильные руки с хорошо развитой мускулатурой и широкие плечи, я поняла, что именно разглядели в преподавателе девчонки. А может быть, меня покорило его умение обращаться с ножом? «Или задница», – мрачно заключила я, подумывая, не закрыть ли глаза или вообще грохнуться в обморок. Приличным барышням пристало падать в обморок в момент опасности. Только вот, судя по мыслям, приличной барышней я не была, поэтому продолжила как замороженная наблюдать за смертельным танцем Ком Хена.

Тварь целилась в ноги корейцу, видимо, избегая его красной майки, но он каждый раз оказывался чуть быстрее и изворотливее.

Выпад – и тут же плавное движение назад, чтобы уклониться от аморфной твари. Стремительный прыжок и молниеносный удар, рассекающий багровый туман. Тварь завывала и рассыпалась веером брызг, напоминающих кровь. Я с визгом закрыла голову руками, а Ком Хен просто распластался на диване. Только сейчас я заметила, что мой спаситель без ботинок, и это повергло меня в состояние шока. То есть пока меня тут убивали, он разувался в прихожей? Это было за гранью моего понимания.

В комнате стало оглушительно тихо. Опасность миновала, и меня накрыла запоздалая паника. Трясло, зубы выбивали причудливую дробь, а руки мелко дрожали. Я чувствовала, что не могу сказать ни слова, не могу задать интересующие вопросы просто потому, что душат рыдания. Они рождались где-то в груди, сдавливали спазмом горло и вырывались нечленораздельными всхлипывающими звуками.

В голове смешались в кучу мысли и страхи. Я поняла, что не верю своим глазам. Сейчас, когда все закончилось, хотелось кричать и отрицать увиденное. Не бывает багровых монстров, не бывает преподавателей-ниндзя, которые после того, как ты разобьешь им нос, приезжают к тебе домой и сначала выламывают дверь, а потом вытанцовывают с огненным ножом на твоём единственном диване. Это все бредовый сон, который слишком затянулся.

– Анжелика, вы как? – тактично поинтересовался Ли Ком Хен, осторожно заглядывая за диван, где я уже рыдала в голос, закрыв лицо руками.

– Полохо-о-о, – провыла я и забила дальше в угол, раздражаясь от своего полного имени. В семье и друзья иначе как Лика меня не именовали. Полное имя мне не нравилось ужасно. – Я сошла с ума и брежу-у-у!

– Выйдите, пожалуйста, нам нужно поговорить, – очень спокойно и подозрительно ласково сказал он. Я мигом почувствовала себя пациенткой психиатрической клиники. – Вы не сошли с ума. Мне нужно просто кое-что вам объяснить. Я не смогу этого сделать, если вы будете и дальше рыдать в углу.

– Вы мне скажете, что это сон? – с надеждой поинтересовалась я, громко всхлипнув и подняв на него заплаканные глаза. – Вы мне снитесь, правда ведь?

– Увы, нет, – устало заметил он и опустил глаза, словно чувствовал себя виноватым за произошедшее. – Лика, выбирайтесь из-за дивана. Там узко и холодно. Вы можете простыть и заболеть.

Через несколько минут уговоров я все же выползла из своего укрытия и с рыданиями кинулась на шею к Ком Хену. Действовала автоматически, на рефлексах и без какой-либо тайной мысли. Просто сейчас мне было очень нужно, чтобы меня обняли и пожалели. Хотелось почувствовать рядом живое существо и понять, что я действительно в безопасности, а вокруг реальный мир. После всего случившегося Ком Хен ассоциировался с безопасностью. От него пахло дорогим табаком и терпким, практически выветрившимся парфюмом, и я почувствовала на короткий миг, как сильно и ровно бьется его сердце. Он меня спас, но, видимо, на этом и все. Так как прижаться и пореветь на плече мне не дал. Вместо этого напрягся и аккуратно отстранил меня от себя.

На лице застыло очень странное выражение. Через маску невозмутимости пробивался то ли страх, то ли брезгливость, я не поняла. Ком Хен прикоснулся ко мне только для того, чтобы отодвинуть, и тут же опустил руки и отступил. Я почти не обиделась. В конце концов, он столько для меня сделал и вполне мог себе позволить не утешать. Его право, но жаль. Он теплый, и руки у него сильные.

– Вам нужно успокоиться, – повторил он, услышав очередной всхлип. – Чай есть? Если позволите, я заварю.

– Есть... – ошарашенно пробормотала я, чувствуя, как дрожит нижняя губа. – На кухне в верхнем правом ящике.

Мужчина без слов ушел на кухню, а я упала на диван, размышляя над странным поведением гостя. Сначала спасает, а потом шарахается, как от прокаженной. Неужели я такая страшная и со мной рядом находиться настолько противно? Конечно, я уже убедила себя в том, что он не обязан со мной нянчиться. Но все же почему ему так неприятно? Сложно, что ли, замереть на пять минут и приобнять, хотя бы для виду? Разве девушек утешать принято как-то иначе?

– И это чай? – Ком Хен появился в дверях спустя минуту. На его лице застыло удивление, в руках он брезгливо держал пачку чая в пакетиках. Обычного, не очень дорогого, но и не самого дешевого. Я, сразу же несколько смутившись, кивнула:

– Да.

Казалось, Ком Хен хочет еще что-то сказать, но он молча развернулся и спустя несколько минут вернулся с чашкой горячего чая.

– Я взял на себя смелость добавить коньяк, – чуть замявшись, отметил он. – Вам это необходимо для того, чтобы снять стресс. Не бойтесь. В чашке всего лишь столовая ложка. Этого достаточно. У меня был с собой, – заметил он, предвосхищая вопрос. – И прошу прощения за то, что воспользовался вашей кухней. Просто сами бы вы, думаю, вряд ли смогли сейчас справиться даже с таким нехитрым делом. А теперь присядьте и внимательно меня выслушайте.

Я испуганно кивнула. Было странно, что Ли-сонсенним постоянно извиняется. Он меня спас, едва не пострадал от тварей, а несколькими часами раньше я разбила ему нос. Это я должна готовить ему чай и рассыпаться в извинениях.

Судя по мрачному выражению лица Ком Хена, разговор нам предстоял серьезный. И это меня заранее пугало.

Но поговорить нам не дали, так как нагрянула полиция, которую вызвали бдительные соседи. Видимо, мои визги, выбитая дверь и грохот не оставили им выбора. Ладно, хоть сами не заявили. Бравый десант, состоящий из тети Люси со шваброй, вечно брюзжащей бабы Маши и Михал Васильевича с берданкой, наличием которой он пугал местных хулиганов, наверное, произвел бы впечатление. С таким никакие розовые твари справиться не в состоянии.

С полицией пришлось объясняться. Кажется, суровые, сонные и злые стражи порядка не поверили в грустную историю про забытые ключи и выломанную по этой причине дверь в квартиру, но повода, чтобы задержать меня или Ком Хена, не было. Я являлась хозяйкой квартиры, а из этого следовало: дверь моя – что хочу, то и делаю.

Пока я заливалась соловьем, в красках описывая, как именно все произошло, Ком Хен подобно статуе стоял у меня за спиной и, наверное, проклинал тот миг, когда решил по какой-то неясной причине приехать ко мне домой. Смотрели на нас полицейские с нехорошими ухмылочками, но день выдался настолько нелепым и тяжелым, что уже было все равно. К тому же по паспорту мне было восемнадцать, Ком Хен смог предъявить права, и вопросы к нам очень быстро закончились.

Я с облегчением выдохнула, когда нас оставили в покое. То, что подумают стражи порядка, волновало меньше всего. В конце концов они не староста группы Леночка, которая умудрялась распространять слухи со скоростью света. Вот ее следовало бояться. Но она в данный момент была на моей стороне и пока мне верила.

Как ни странно, общение с полицейскими действовало успокаивающе, и я расслабилась. Ком Хен попытался прикрыть дверь в квартиру, но сделать это оказалось не так-то легко. Замок был сломан, а часть косяка вывернута.

– Я оплачу, – несколько виновато заметил мужчина, с тоской посмотрев на вывороченную личину недорогого хлипкого замка, а я кивнула. Была не настолько состоятельна, чтобы оплачивать ремонт. Стыдно, конечно, но своих денег у меня было крайне мало, а говорить о случившемся родным – несусветная глупость. Всей правды не скажешь, а врать и изворачиваться я не любила, особенно если это касалось близких мне людей.

Сил совсем не осталось. Хотелось упасть и уснуть, а проснуться утром с осознанием, что этого дня не было, а был лишь бредовый, очень реалистичный сон. Но это всего лишь мечты. Я сползла по стенке в прихожей и устроилась на полу рядом с новыми осенними сапогами на шпильке, прикрыв лицо руками. Плечи мелко дрожали.

Ком Хен наконец-то справился с дверью, кое-как ее прикрыл и подошел ближе. Он не делал попыток поднять меня, отхлестать по щекам, чтобы привести в чувство, а мне этого хотелось. Отстраненная холодность и невозмутимость раздражала.

– Чай с коньяком остыл, – тихо заметил Ком Хен. Я подняла голову и заметила, что он протягивает мне плоскую металлическую фляжку. – Знаю, что непедагогично, но вам стоит выпить. Хотя бы несколько глотков.

Коньяк я не любила, но отказываться не стала. Чем, похоже, очень сильно удивила Ком Хена, потому что вел он себя, на мой взгляд, очень уж странно.

– Я не должен был предлагать вам выпивку... – заметил он. – Вы студентка...

– Ага, слышала.

Я отмахнулась и сделала большой глоток.

– Это непедагогично.

Коньяк теплым комком протек в горло, и я почувствовала себя намного лучше. Даже смогла подняться, посмотреть на Ком Хена и оценить ситуацию в целом.

В этот момент он совсем не походил на строгого преподавателя и выглядел значительно моложе. Всегда идеально уложенные иссиня-черные волосы сейчас пребывали в беспорядке. Короткие рукава ярко-красной узкой майки оставляли открытыми сильные руки с рельефными мускулами. На правом плече из-под рукава виднелась татуировка. Я не разобрала, какая именно, вглядываться было до ужаса неловко. Ком Хен вообще оказался неприлично хорошо сложен для обычного преподавателя. Похоже, он много времени проводил в тренажерном зале. Майка облегла широкую грудную клетку. Узкие джинсы плотно сидели на бедрах, и я поняла, что очень даже хорошо, что обычно он ходит в классическом костюме. Явись он в таком виде в университет, девчонки бы его точно не выпустили. Эта мысль возникла из ниоткуда и заставила улыбнуться.

– Вы улыбаетесь, – заметил Ли Ком Хен, который, к счастью, был не в курсе моих мыслей. – Это хороший признак. Значит, приходите в себя. Могу я с вами поговорить. Думаю, больше нас никто не потревожит.

– Вы приехали отчитать меня за то, что чуть не сломала вам нос? – Я подозревала, что это не так, но должна была уточнить. К слову, сейчас нос Ком Хена выглядел замечательно – ни синяка, ни припухлости.

– Не совсем... – Улыбка преподавателя вышла невеселой. – Вы не преследовали никаких целей. Все произошло случайно. Поэтому винить вас, на мой взгляд, несколько неправильно. Мне не следовало подходить так близко.

– Просто я невероятно неуклюжа. – Признание далось с трудом. – Но я действительно случайно. И чувствую себя виноватой. Правда.

– Не стоит себя винить. Это совершенно ни к чему. К тому же я не пострадал. – Мужчина усмехнулся. – Разве что гордость. Только вот любая случайность имеет некие последствия, хотим мы того или нет. Иногда последствия бывают достаточно серьезны. Игнорировать их, увы, не получится.

Я представляла, о каких последствиях говорит Ком Хен, и почему-то сейчас от мыслей о слухах, которые поползли в университете, бросало в жар. «Как он целуется?» – нехстати всплыл в голове вопрос Ленки, и я почувствовала, что краснею. Внезапно пришло понимание – передо мной стоит красивый сильный мужчина, который мне только что спас жизнь, а я, зареванная и в пеньюаре, наспех подвязанном шелковым кушачком. Полы постоянно разъезжаются, открывая слишком много. И, как назло, из головы вылетело, что их нужно периодически поправлять. Обычно я не появляюсь перед гостями в подобном виде. Еще пять минут назад меня совершенно не волновало то, что ткань тонкая и слишком уж откровенно льнет к коже, а под пеньюаром на мне лишь два кружевных лоскутка, которые по недоразумению называли трусами. Стало до невозможности неловко, и я, пискнув:

– Можно привести себя в порядок? – прошмыгнула в ванну, даже не дождавшись ответа.

Я закрыла дверь на защелку и, опершись руками о раковину, попыталась отдышаться и разложить по полочкам произошедшее. Получалось очень плохо. В голове смешалось все: дурацкое происшествие в университете, сплетни и Ленкины расспросы про поцелуи, которые заставили, о ужас, смотреть на губы Ком Хена! Причем мой взгляд постоянно замирал на них, и я невольно отмечала четкую границу верхней губы, округлую и, вероятно, мягкую нижнюю. Мне стало просто страшно. Правда, я быстро убедила себя в том, что размышления о Ли-сонсенниме – это защитная реакция организма, который пытается стереть из памяти все сверхъестественное. В каком-то смысле думать о губах преподавателя корейского языка безопаснее для душевного равновесия, чем вспоминать окровавленную сладкую вату с когтями. Странные твари, которые просочились ко мне в квартиру сквозь щели в окнах, и фее-рический танец Ком Хена с ножом заставляли сомневаться в собственной нормальности.

Я поняла, что в дальнейшем не смогу смотреть на Ли-сонсеннима как на преподавателя, хотя именно этот вопрос сейчас меня вообще не должен был волновать. Но в голову лезли мысли о простых и понятных вещах, я не хотела задумываться над тем, что выходит за рамки моего представления о действительности.

Холодная вода освежила. Я долго плескала ее на лицо, смывая остатки косметики, а потом тщательно вытирала. Вытащила из волос шпильки, потрясла волосами и бросила взгляд в зеркало. Отражение мне не понравилось. Большие, словно блюдца, испуганные глаза с черной радужкой смотрелись неестественно. Я сейчас напоминала демона из сериала «Сверхъестественное», ко всему прочему веки припухли и покраснели от слез. Тяжелые черные волосы падали на плечи, словно черная вдовья вуаль. Забранная за уши отросшая челка только усиливала сходство. Я раздраженно выправила длинные пряди, позволив им свободно падать по обеим сторонам лица, а волосы снова заколола пинё. Так стало несколько лучше. Хотя хотелось подкрасить либо глаза, либо губы, а еще мазнуть румянами по скулам, чтобы не походить на кладбищенского призрака.

Выходить к Ком Хену в халате больше не хотелось, и я надела джинсы, которые днем закинула в стирку, и сняла домашнюю майку с полотенцесушителя. Так я себя почувствовала несколько увереннее и спокойнее.

Когда вернулась, Ком Хен неподвижно, словно сфинкс, сидел на кухне. Его взгляд был отрешенным, задумчивым. Я присела напротив и внимательно посмотрела на него, не решаясь начать разговор первой. Он нелепо смотрелся в моей маленькой квартирке. Казался слишком большим и совсем чужим. Дорогая одежда, качественный парфюм, экзотические черты лица – все это подчеркивало скудность обстановки. Мне впервые стало стыдно за еще бабушкины шторы, пожелтевшую раковину и затертую клеенку на столе. На ней так и остались крошки после завтрака. Фанатом уборки я не была, и тех гостей, которые ко мне приходили, это обычно не смущало. Меня тоже. До сегодняшнего дня.

– Может быть, чаю?

Я решила проявить вежливость и заодно прервать затянувшееся молчание.

На лице Ком Хена появилась вежливая, но натужная улыбка. Он едва заметно кивнул, потом закусил губу, заставив меня против воли вспыхнуть, и страдальческим голосом произнес:

– Да, конечно. Буду благодарен.

При этом взгляд у него был такой несчастный, и я невольно вспомнила о том, что мой чай ему, мягко сказать, не приглянулся. Хотя преподаватель об этом тактично умолчал.

– Но если вы не хотите, я не настаиваю... – осторожно заметила я, наблюдая за реакцией. На лице Ком Хена промелькнуло заметное облегчение, но он мужественно ответил.

– Нет-нет, все в порядке, наливайте!

– Хорошо.

Я пожала плечами и не двинулась с места, так как не была садисткой и не собиралась пичкать человека тем, что ему не нравится, только потому что он постеснялся отказаться.

Я смотрела на него и молчала. Еще с утра и представить себе не могла, что буду сидеть на своей маленькой кухоньке с преподавателем, по которому сохнет вся наша подгруппа. Ком Хен внимательно смотрел на меня из-под опущенных ресниц, и на его лице нельзя было прочесть ни одной эмоции. Он, как и на своих парах, был совершенно невозмутим. Впервые я сидела настолько близко к нему, что могла внимательно разглядеть длинные жесткие ресницы, по-азиатски высокие скулы и мягкие черты лица, но при этом упрямый смуглый подбородок.

Взгляд раз за разом возвращался к его губам, и я мысленно проклинала Ленку. Если бы не она, я бы даже не думала о поцелуях с ним. А сейчас от одних мыслей на коже появлялись мурашки. Чтобы хоть как-то вернуться в реальность, я поинтересовалась:

– Вы знаете, что здесь произошло? Кто на меня напал? И, самое главное, почему?

– Да, – невозмутимо ответил Ком Хен и, заметив мой ошарашенный взгляд, пояснил: – На вас напали вонгви...

– Кто? – Я сглотнула. Все же в глубине души я искренне надеялась на то, что произошедшее сон или бред и преподаватель подтвердит это, рассказав правду.

– Вонгви – это злые, мстительные духи людей, умерших насильственной смертью, – пояснил он, словно мне сразу должно было все стать ясно.

– Никогда не слышала... и не верила во всю эту чертовщину!

– А сейчас?

Ком Хен смотрел, пожалуй, слишком внимательно, словно пытался прочесть мысли. Я бы не удивилась, окажись у него подобная способность. Чтения мыслей я не боялась, они были настолько сумбурны, что я сама в них разобраться не могла – сплошная каша. Нелепо предполагать, будто у постороннего человека получилось бы сделать это лучше. Правда, на поверхности лежали мысли о поцелуях и о том, что интересно было бы узнать, какой вкус у его губ. Я гнала их прочь, пытаясь размышлять о чем-то более серьезном.

– Сейчас... – Я не торопилась с ответом. – Сейчас произошло что-то, объяснения чему найти не получается. А это значит, либо я сошла с ума, либо... это были, как вы там сказали... вонгви. Ни разу не слышала! Что за чертовщина!

– Правильно, вы же не живете в Корее... – пожал плечами Ком Хен. – Это наши предания.

– Смею заметить, и вы тоже сейчас не у себя на родине! Да и вокруг российская действительность, в которой всяким разным «вонгвигам» не место! – огрызнулась я. Так хотелось найти всему какое-нибудь рациональное объяснение, но, видимо, моим мечтам не суждено было сбыться.

– Да... вонгви нехарактерны для России и не могут появиться тут самостоятельно. – Ком Хен, казалось, не заметил моей злости. – Отсюда закономерный вопрос. От кого из корейцев вы в последнее время принимали подарки? Может быть, у вас был роман с кем-то из студентов?

– Почему вы об этом спрашиваете? – мигом насторожилась я. Неужели он правда думает, что такое способен сотворить кто-то из иностранных студентов? Никакого романа не было, но сам факт заинтересованности меня напрягал. – Моя личная жизнь – это моя личная жизнь, я не обязана ни перед кем отчитываться. Тем более... тут я не могла решить, что лучше: «тем более перед красивым малознакомым мужчиной» или «тем более перед собственным преподавателем».

– Не обязаны, но... – Ком Хен задумался. – Если я вам расскажу одну историю, вы обещаете не поднимать меня на смех. Вы мне поверите?

– Я поверю и черту лысому, если он даст более или менее внятное объяснение случившемуся! – буркнула я и тут же спохватилась: – Ой, простите. Это все нервы.

Ком Хен промолчал, из чего я сделала вывод, что прощать он не собирается. Но в данный момент меня это не особенно волновало.

– Дело в том.... – Он закусил губу. – Я – комсин.

– Кто-кто?

Я посмотрела на немного смутившегося Ком Хена, пытаюсь понять, насколько он серьезен и, вообще, что все это значит. Сначала вонгви, теперь вот не менее загадочный комсин. За что мне все это? Я вроде бы была хорошей девочкой, вела себя прилично, училась прилежно. А то, что мне не давался корейский язык, еще не повод насыпать на меня всю проживающую в безусловно славной стране нечисть!

Пока я жалела себя и размышляла, Ком Хен продолжил:

– По легенде, прародителем корейцев был Тангун, женившийся на медведице, которая превратилась в женщину...

– Так-так! – Я замахала руками. – Мне, если можно, чуть короче и проще... Я сейчас вообще воспринимаю все с трудом.

– Я и так максимально коротко! – Казалось, Ком Хен немного обиделся. – Тангун – общее название, близкое к понятию царь или вождь, выбранный богом. Дух первого Тангуна – комсин, Лунарный Медведь. Из поколения в поколение часть духа комсина проявляется в ком-нибудь из моего рода...

– И какое это имеет отношение ко всему происходящему?

Голова вскипала, и я уже отчаялась уловить суть. Древние корейские духи, корейские же призраки – все мистично, странно и совсем неясно, при чем здесь я. Ком Хен, похоже, понял, что информация усваивается плохо, и поэтому достаточно резко закончил:

– Кроме всего прочего, кровь комсина – священна.

– Ой-ой... – Мне стало не очень хорошо. – Они прилетели меня убивать из-за того...

– Нет, – отмахнулся Ком Хен. – Я не знаю, из-за чего они хотели вас убить. Это вы мне скажете сами...

– Но я даже не представляю! Я и о существовании этих тварей-вонгви узнала минуту назад от вас, а до этого именovala окровавленной сладкой ватой с когтями!

– Вы не дослушали, поэтому и не понимаете, о чем речь. Хотя бы пару минут посидите молча! – в сердцах выдохнул преподаватель, и в его глазах на миг мелькнуло раздражение, моментально скрывшееся за маской невозмутимости.

– Все, замолкаю. – Я послушно сложила руки на коленях и замерла, готовая внимать каждому слову.

Просто случилось столько всего непонятного, что держать рот на замке не получалось. Вопросы и уточнения вырывались сами собой. Я и в обычные дни была неумеренно болтлива, а уж в критические моменты и подавно!

– Анжелика, забудьте вы наконец то нелепое недоразумение, которое произошло сегодня с утра. Проблема не в том, что вы случайно разбили преподавателю нос. Это мелочь, на которую вы, однако, отреагировали слишком бурно, усложнив жизнь себе в первую очередь. Беспокоиться стоит о том, что кровь комсина способна пробуждать к жизни древние артефакты, предметы, изначально наделенные магической силой и ее утратившие. Какой-то предмет был у вас в волосах. Именно за ним прилетели вонгви! Я понял, что произошло нечто непоправимое, когда в аудитории начало сбоить электричество. Признаю, это немного вывело меня из себя, а вы испугались и убежали, прежде чем я смог объяснить.

– Вы были в гневе! Конечно, я испугалась! Думала, меня сразу же буду отчислять! Прямо там, на месте, вот и предпочла сбежать. Посчитала, что утро вечера мудренее и лучше на какое-то время затаиться.

– Анжелика, вы молоды и не понимаете, что отчисление это такая, в сущности, мелочь!

– Ага! Объясните это моей маме! А лучше папе, поверьте, вы мигом измените свое мнение. Я действительно испугалась до колик! И не вам меня винить. Если не случилось ничего страшного, так бы мне и сказали! Еще там, в аудитории!

– Понимаете, страшное все же произошло. – Ком Хен устало вздохнул. – Только суть вы поняли неверно, но сейчас это уже не имеет значения. Лучше скажите, что могло «ожить», вступив во взаимодействие с моей кровью?

– Пинё... – прошептала я и выдернула заколки. Волосы тяжелой шелковой волной упали на плечи. Голове стало сразу же намного легче. – Они?

– Вполне возможно. – Ком Хен внимательно посмотрел и осторожно взял костяные шпильки. – Откуда это у вас?

– Их привез из Кореи мой прапрадед в начале двадцатого века. С тех пор они находились в семье. Когда умерла бабушка, я нашла их здесь в квартире и вспомнила историю, которую она мне рассказывала. Про то, как маленький корейский мальчик сбежал из дома, спасаясь от опасности. Единственное, что у него осталось на память о родине, – это пинё. Может быть, они принадлежали его матери? Не знаю, и бабушка не знала. Для меня эти шпильки прежде всего память о ней.

– Не знаю, что это, – пробормотал Ком Хен. – Но за этой вещью охотились более ста лет, и как только она очнулась ото сна, сразу же послали вонгви. Это серьезная и очень опасная реликвия.

– И что теперь делать?

– Если бы я знал... Я сам уехал из Кореи, потому что моя кровь слишком ценный товар. За мной охотились. Здесь про свойства крови комсина не знает никто, да и о самом комсине тоже. Поэтому я жил спокойно довольно долго, но сейчас...

– А сейчас из-за меня ваше спокойствие нарушилось. – Из горла вырвался смешок, больше похожий на рыдания. – Вы же сказали, вонгви пришли за мной? Причем здесь вы?

– Вонгви пришли за пробудившимся артефактом. А тот, кто их послал, думаю, точно знает, что пробудило шпильки. Так что охота начнется за нами обоими. За вами из-за пинё, за мной из-за крови.

– Так, может, мне их просто отдать, и все? От меня тогда отстанут?

– Не думаю. – Ком Хен покачал головой. – Артефакт был на вас в момент активации, скорее всего вы связаны с ним. Вас захотят убить.

– Ой-ой... – пискнула я. – И опять же, что делать?

– Прежде всего узнать, что это за шпильки и кому они нужны.

Глава 3

Мы просидели на кухне почти до утра. Плотная ноябрьская ночь накрыла город. Фонари погасли, и казалось, что за старыми бабушкиными занавесками на улице сплошная тьма – ни одного горящего окна, ни одного фонаря, только огни далекой трассы, похожие на пролетающие по краю неба редкие кометы. Ком Хен отказался уходить под тем предлогом, что мне угрожает опасность. Я не возражала, так как действительно боялась оставаться одна, а идти спать было неловко, да и не хотелось после всего пережитого. Я боялась, что во сне кошмары вернутся.

Сидеть со своим преподавателем на маленькой кухоньке тоже было неуютно. Тем более все темы для разговора достаточно быстро закончились. Да и волновало меня по сути одно – почему вонгви напали на меня. Я задала этот вопрос несколько раз, меняя формулировки, но потом поняла – Ком Хен действительно ничего больше не знает. Попытки расспросить поподробнее о сущности комсина тоже не дали результатов. Преподаватель замолкал, опускал глаза и менял тему. А моей наглости не хватало для того, чтобы устроить настоящий допрос, поэтому приходилось приглушать свое любопытство и молчать.

Я давно не чувствовала себя настолько неловко. Привыкла воспринимать его как Лиссеннима и сейчас, когда опасность миновала, робела. Мне было непонятно, о чем с ним говорить и как себя вести, поэтому я преимущественно глазела, снова и снова изучая блестящие черные волосы, резкую линию скул и черные внимательные глаза, в глубине которых мерещились огненные всполохи. Я понимала, что такое поведение почти неприлично, но ничего не могла с собой поделать. Ли Ком Хен притягивал взгляд, словно магнит. Завораживал, а горьковатый запах его парфюма, казалось, пропитал все в моей маленькой квартирке. Я вдыхала, прикрывала глаза и понимала, что сильный аромат грейпфрута с едва уловимыми нотками муската, кориандра и хвои теперь будет преследовать меня везде. Я и так слишком остро реагировала на ароматы, а этот мне очень нравился и делал своего обладателя более привлекательным. Я мысленно усмехнулась. Какие мелочи могут сформировать отношение к человеку. По сути, вот какая разница, пользуется парень туалетной водой или нет? Лишь бы мылся вовремя.

После всего случившегося сердце стучало с бешеной скоростью, щеки горели, а движения стали порывистыми. Видимо, так мой организм реагировал на стресс. Я едва не перебила все чашки, но все же напоила Ком Хена чаем, который мне самой теперь казался отвратительным, правда, предлагать пельмени постеснялась, хотя сама есть хотела зверски, но сидела и терпела, страдая от собственной глупости и неуместной скромности.

А мой гость в это время безуспешно пытался вызвонить мастера, который бы согласился сейчас отремонтировать выломанную дверь. Все телефоны круглосуточных служб молчали, что было неудивительно. Работать в ночь, видимо, не хотелось никому. А оставлять дверь без замка ни в коем случае нельзя. С утра мне предстояло ехать на пары, сторожить квартиру было некому. В итоге Ком Хен все же вызвонил кого-то из своих знакомых.

Мастер приехал ближе к трем утра, когда даже кореец уже косился голодным взглядом на мой обшарпанный и пустой холодильник.

Ком Хен не выдержал и заказал какой-то еды на двоих. Мне стало окончательно стыдно из-за того, что пожадничала пельменей, и я поступила совершенно глупо – отказалась от ужина, сославшись на то, что от стресса даже думать о еде не могу. Хотя на самом деле последний час о ней одной лишь и мечтала. Мужчина пожал плечами и начал аппетитно уплетать нечто из пластиковой тарелки. На вид было невероятно вкусно, что-то из кусочков курицы, макарон и какой-то заправки. Запах шел непривычный, сладковато-острый, от которого у меня потекли слюнки, но менять мнение и накидываться на еду я постеснялась.

К тому же ел Ком Хен палочками, а я этот «девайс» так и не освоила, поэтому сидела в углу, вздыхала и проклинала себя за нерешительность и ни к месту проснувшуюся скромность.

После того как сделали дверь, я надеялась, что получится отправить Ком Хена домой, но он категорически отказался уезжать, заявив, что вонгви могут вернуться. Пришлось делить пространство моей крошечной квартирки. Я любила гостей, спокойно относилась к хаосу, который после них оставался, но редко кого приглашала заночевать. Этой чести удостоивалась только лучшая школьная подруга, которая сейчас училась в Москве, и редко появляющийся в Питере брат. Я ценила личное пространство и уединение. Необходимость спать под одной крышей со взрослым красивым мужчиной, которого к тому же до недавнего времени я знала исключительно как преподавателя, вызывала панику.

Было неудобно, неловко, и вообще хотелось, чтобы все закончилось как можно быстрее. Я стеснялась идти при нем в душ, туалет и чистить зубы. Переживала о том, что сплю в смешной пижамке, которую мне мама купила еще классе в седьмом. С тех пор я несильно выросла, и только грудь немного округлилась, из-за чего умильная мордочка Микки-Мауса приобрела весьма странное выражение. И эта детская блекло-розовая пижама совсем не сочеталась с алым фривольным пеньюаром, который сейчас опять же ничего, кроме смущения, не вызывал, а ведь я в нем отсвечивала при Ком Хене довольно долго.

В итоге после длительных терзаний я постелила гостю в комнате, а сама решила спать на куцем диванчике в кухне. Во-первых, Ком Хен на нем бы просто не разместился, а во-вторых, в кухню можно было быстро и незаметно проскользнуть из ванной комнаты.

Ком Хен тоже, видимо, был не очень рад необходимости ночевать не дома, но мужественно отказывался уезжать. Я предпочитала не думать о том, что будет завтра. Ведь вонгви никуда не денутся. «Неужели он так и будет меня охранять?» С этими мыслями я уснула, хотя думала, что буду крутиться с боку на бок до самого утра.

А с утра мы банально проспали, и мне было дико стыдно, так как Ли-сонсенниму, который даже со сна выглядел вполне пристойно, пришлось наблюдать картинку – Лика собирается в ускоренном темпе. И мне было уже наплевать и на пижамку, и на растрепанный внешний вид. Я носилась по квартире с выпученными глазами и пыталась за пятнадцать минут сделать то, на что обычно уходит полтора часа. Получалось плохо. Я сшибала углы, роняла мелкие вещи, но все равно ничего не успевала.

– Анжелика! – пытался урезонить меня Ком Хен, который с несчастным видом давился растворимым кофе на кухне. – Не спешите, я вас отвезу на машине, и вы успеете на свои пары вовремя. Не все еще потеряно.

– Ага, по утренним пробкам мы, безусловно, домчим с ветерком! – бухтела я, пытаюсь расчесать волосы и размышляя о том, что про макияж, похоже, сегодня придется забыть. – К тому же нельзя, чтобы вы подвозили меня прямо до университета.

– Почему же? – Он удивился.

– Вы не в курсе? – хмыкнула я, начиная жалеть о том, что завела этот разговор. Пере-сказывать преподавателю сплетни, которые о нем ходят, не хотелось.

– А в курсе чего я должен быть? – сладким голосом спросил он, и у меня подкосились ноги. «Ну зачем я вообще заикнулась, могла бы промолчать?»

– Ну, то, что случилось вчера... – проямлила я, опуская глаза в пол и собираясь с мыслями.

– Анжелика, мы же вчера решили этот разговор оставить. Ничего страшного не произошло. Случайность.

– Мы-то решили, но вот все мои сокурсники считают, что вы ко мне приставали, а я отбивалась и разбила вам нос. – Признание приходилось из себя выдавливать, и на Ком Хена я старалась при этом не смотреть. – Вы хотите привезти меня к парадному крыльцу и породить новые, еще более интересные слухи? Не уверена, что это лучшая идея.

– Да? – На лице Ком Хена появилось удивление и легкая тень смущения. – Очень странные выводы на пустом месте. Не ожидал, что этот эпизод кого-то натолкнет на подобные мысли. Меня сильно осуждают?

– Сильно. – Я невесело хмыкнула. – Только не вас, а меня.

– А вы тут при чем?

– А вот это все тонкости загадочной русской души. – Я отмахнулась. Вдаваться в разборки с сокурсницами не хотелось, нужно было перевести разговор в безопасное русло. – А сейчас нам стоит поторопиться, иначе я точно опоздаю везде, где только можно.

Я намотала на шею шарф, достала из шкафа короткую и явно слишком легкую для ноябрьской погоды ветровку и сунула ноги в сапоги. Жаль, что любимая кожаная куртка осталась в универе. Не забыть бы ее оттуда забрать.

На улице снова было сыро и промозгло. Моросил мелкий дождик, который грозился перейти в снег. На дорогах разлились непросыхающие лужи, и захотелось снова вернуться домой под теплый плед. Я ненавидела такую погоду, но вынуждена была терпеть ее большую часть года.

– Значит, ехать со мной вы отказываетесь категорически? – поинтересовался Ком Хен, пикнув у подъезда брелоком для сигнализации машины.

Я замерла как вкопанная, уставившись на подмигнувшую фарами машину.

– Пожалуй, возьму свои слова обратно. – Я хрипло выдохнула, так как отказаться от поездки на такой машине просто не могла. И наплевать на слухи и наезды однокурсниц. Я безумно любила автомобили, особенно такие – низкие, обтекаемой формы, с хищно прищуренными фарами.

Для меня автомобиль всегда являлся воплощением мужской сексуальности. Машина как нельзя лучше подчеркивает характер, пристрастия, да и достаток своего владельца. Все это завершает мужской образ. Сексуальность Ком Хена резко возросла, когда я увидела перед собой «шевроле-корвет» графитового цвета. Если бы машина была красной, она бы смотрелась слишком вульгарно из-за смелых форм и дерзкой линии капота. Черная терялась бы в толпе, ну а графитовая притягивала взгляд и кричала о том, что на ней ездит настоящий властелин своей судьбы. Мое сердце скакнуло и упало куда-то в желудок. Я любила красивые машины. От вида спорткупе текли слюнки, и я мечтала, что когда-нибудь заработаю себе на подобную. Не такую, конечно. О такой я мечтала лишь изредка, имея в папочке «любимки» на рабочем столе ноута модели попроще и подешевле.

– Корветик... – Я даже зажмурилась от удовольствия. – Такой красавице никакие пробки не страшны. Я видела ее у университета, но никогда не обращала внимания, кто на ней ездит. Только выкиньте меня за пару кварталов, все же очень не хочется, чтобы меня заметил кто-нибудь из наших. Не отстанут.

– Хорошо. Мне тоже хотелось бы избежать неприятных слухов. – Ком Хен кивнул, усаживаясь за руль. – Никогда не позволял себе вольностей в отношении студентов. Это недостойно. Табу. А тут на ровном месте! – В его голосе послышалась досада.

– Безгрешность не делает вас менее интересным, – не удержалась я, устраиваясь поудобнее на холодном кожаном сиденье, которое, впрочем, довольно быстро теплело от электрического подогрева. Из-за в общем-то невинной и правдивой реплики я заработала такой взгляд, что поспешила уточнить:

– Не для меня! Я не охоча до экзотики и взрослых мужчин... ой!

Я снова прикусила язык и посмотрела на преподавателя виноватым взглядом. Его глаза потемнели, и вновь стало страшно, только вот машина не аудитория, сбежать не получится.

– Значит, вы воспринимаете меня как экзотику в возрасте? Я правильно вас понимаю, Анжелика?

Терпкий аромат одеколona, неизвестно как сохранившийся со вчерашнего вечера до утра. Прищуренные глаза, в которых читалась угроза, и тени от ресниц на смуглых скулах.

– Нет! – Я эмоционально взмахнула руками и отвела взгляд, чувствуя, что сердце начинает стучать быстрее. – Давайте проясним ситуацию, – взять себя в руки получилось с трудом, – я вас никак не воспринимаю. Только, пожалуй, благодарна за спасенную жизнь. Так что не нужно претензий, а то, что полвуза сходит по вас с ума... – Я сморщилась, заметив, как поползли вверх его брови. – Вот не нужно делать вид, будто вы не в курсе и хотя бы немного не догадывались о повальном увлечении и его причинах.

– Предполагал, и виной тому моя харизма и неземная красота. – Видимо, разговор был Ком Хену неприятен, и он решил перевести его в шутку.

– Ну, не без этого, – послушно согласилась я и отвернулась к окну, чувствуя, что руки дрожат. Разговор получился какой-то излишне интимный. А я этого не хотела. Предпочла бы все оставить так, как было до сегодняшнего утра. Мне не хотелось личных отношений с преподавателем, а сегодняшняя ночь, растрепанные волосы, усталость во взгляде, немного мятая футболка под дерзкой кожаной курткой и разговор о его харизме – все это выходило за рамки делового общения, поэтому пугало.

Всю дорогу я просидела молча. Разглядывала за окном пролетающие по лужам грязные машины; людей, которые прятались под капюшонами, так как морось – это не дождь и открывать зонт бессмысленно.

Ехать с Ком Хеном было комфортно. Он вел машину несколько агрессивно, но уверенно. Это мне импонировало. В пробке молодой человек лавировал, перестраиваясь из ряда в ряд, но при этом умудрился никого не задеть и не подрезать. Так можно было бы кататься вечно, к тому же на улице погода выдалась по-осеннему тоскливая, а внутри салона было тепло и уютно, а еще пахло кофе и немного корицей.

– Анжелика, – сказал Ком Хен, притормозив у станции метро, от которой до университета оставалось всего ничего – пара кварталов, – думаю, не нужно говорить о том, что распространяться о случившемся ночью не стоит. Вас не поймут и не поверят. Не создавайте лишних проблем. Хорошо?

– Я так сильно похожа на дуру? – Стало немного обидно. – Сами посудите, чем это чревато! За рассказы о вонгви меня упекут в сумасшедший дом, а если прознают, что вы у меня ночевали... – Я закатила глаза. – Так и вообще четвертуют в женском туалете. Не беспокойтесь, даже не взгляну в вашу сторону и буду молчать как рыба. От этого всем будет только лучше.

– Вот и хорошо! – В голосе мужчины прозвучало облегчение. Неужели он и правда переживал, что я начну болтать? – Сегодня у меня нет пар, поэтому постараюсь поискать информацию о пинё, а завтра расскажу вам, что выяснил. У меня есть некоторые подозрения и соображения по поводу случившегося, но кое-что стоит уточнить. Я слишком привык жить обычной жизнью. Многое упускаю.

Мне вдруг сильно захотелось узнать, а какая у него была другая жизнь? Чем он занимался и почему все решил бросить. Ведь, судя по машине, он заработал на нее в той, прошлой жизни, или, быть может, правы были девчонки, которые говорили о помощи семьи? Я знала, что не получу ответов, поэтому спросила о том, что меня волновало в первую очередь:

– А как мне себя обезопасить? Вдруг эти твари вернуться снова. А они ведь вернуться, правильно я понимаю?

– Не думаю, что все произойдет так быстро, – задумчиво отозвался Ком Хен и нахмурился. Между темными густыми бровями пролегла складка. – Их хозяин, скорее всего, далеко. Ему понадобится время для того, чтобы понять, что произошло, и предпринять какие-то действия. К тому же мы с вами договорились – пинё какое-то время побудет у меня.

Я кивнула. Подобный разговор был еще ночью. Мне самой хотелось избавиться от заколок. Не совсем, но хотя бы до тех пор, пока не разберусь, что к чему. Сейчас с ними было опаснее, чем без них.

– Вонгви сначала полетят туда, где находится артефакт, – продолжил Ком Хен. – Вы им нужны меньше, чем пинё.

– То есть, схарчив вас, они все же вернутся за мной? – Я сочла нужным уточнить волновавший момент.

– Не переживайте, со мной не так-то просто справиться.

– Да заметила уже! – буркнула я и выбралась из машины в холодную муторную хмарь осеннего утра. Визитку с номером телефона, которую дал Ком Хен, я запихала в маленький внутренний кармашек сумки.

Дождь почти прекратился. Осталась только бесконечная унылая морось, сквозь которую я довольно бодро добежала до университета. Этому способствовала легкая куртка, в которой было ощутимо холодно. Я накинула на голову капюшон и мчалась, перескакивая через лужи. По сторонам не смотрела, никого не замечала и обращать внимание на окружающих стала, только оказавшись на территории университета. Тут было много знакомых. Приходилось здороваться, отвечать на извечный вопрос «Как дела?» и уверять, что все отлично. На крылечке я замерла. Спиной ощутила чей-то настороженный взгляд. Сложно сказать, как я его почувствовала, но повернулась, безошибочно определив, кто именно на меня смотрит.

Группа студентов по обмену из дружественной Кореи держалась кучкой и обособленно, чуть в стороне от всех остальных. Я всегда с интересом наблюдала за тем, какая у них строгая иерархия, которая сформировалась с первых дней обучения. Они словно интуитивно выбирали себе вожака, а тот в свою очередь формировал ближайший круг – элиту. И сейчас студенты, словно журавли, замерли клином – впереди невысокий худощавый парень с длинной челкой, падающей на один глаз, остальные на шаг сзади. Именно «вожак» пристально смотрел на меня. Даже улыбнулся и зазывающе махнул рукой, но я не обратила внимания. Нет уж! Хватит на сегодня азиатов. С одним бы разобраться. Я бросила взгляд через плечо уже в дверях и с удивлением заметила, что парень-кореец провожает меня отнюдь не заинтересованным или дружелюбным взглядом. Интересно, с чего бы это? Я вроде бы ничего плохого не сделала. Или обиделся на откровенное игнорирование.

Впрочем, этот эпизод быстро вылетел из головы, так как в университете меня ждал совсем неласковый прием. В коридоре перед аудиторией собралась вся наша корейская подгруппа. Точнее, та ее часть, которая сходила с ума по Ком Хену. Впереди, уперев руки в боки, стояла Ленка. Ее немаленькая грудь не помещалась в узкой черной кофточке с неприлично большим вырезом. Староста злобно щурила ярко накрашенные глаза. Взглянув на лица остальных девчонок, я поняла, что сейчас меня ждет неприятное выяснение отношений. После бессонной ночи – это последнее, чего бы мне хотелось. К тому же я была уверена, что вчера мы все решили. Но, похоже, за ночь Ленкино настроение успело поменяться. И сегодня староста готовилась выйти на тропу войны, а воевала Лена самозабвенно, отдаваясь этому процессу всей душой, причем, как и любому другому делу.

– Романова, ты наглая стерва! – начала она угрожающим шепотом и сделала шаг вперед.

– С чего такой ласковый прием? – поинтересовалась я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Хотя я не чувствовала себя ни уверенной, ни спокойной. Стоило невероятных усилий не попятиться от напирющей старосты. Моя жизнь и так за последние сутки оказалась богата на неприятные события. Поругаться со всей подгруппой из-за глупости не хотелось.

– А то сама не знаешь! – пискнула из-за Ленкиной спины худенькая, похожая на серую крыску Света. Вот уж кому внимание Ком Хена не грозило совершенно точно. Света была

откровенно несимпатична и обладала дурным нравом, но не теряла надежду и являлась одной из самых упорных воздыхательниц. Возможно, потому что не отвлекалась на других парней. Она все равно не представляла для большинства из них интереса.

– Лен, – начала я, проигнорировав Светку и еще пять возмущенных взглядов, – мы же говорили с тобой вчера вечером. Я все объяснила, и ты мне поверила. Думала, конфликт исчерпан. Зачем ты снова начинаешь никому не нужные разборки? Не живется спокойно?

– Ты мне врала! – возмутилась староста. – Причем так самозабвенно, что я действительно тебе поверила и посочувствовала совершенно искренне. Романова, тебе ли не знать, что я терпеть не могу, когда мне врут! Уж от тебя такого не ожидала!

– Да с чего ты взяла! – удивилась я, панически соображая, где могла проколоться. Ведь действительно не сказала ни слова лжи, однако Ленка была по-настоящему зла. – Не врала я тебе. Зачем? Девчонки, у вас совсем крыша поехала?!

– Нет! Это ты совесть потеряла! – буркнула Ксюха.

У нас с ней были в общем-то неплохие отношения, которые в дальнейшем могли перерасти в дружбу. Но сейчас девушка встала не на мою сторону, и это задевало. Неужели и она лелеяла мечту заполучить недружелюбного корейца? Смешно. Ксюха выглядела, как девятиклассница. Милое личико, наивные глаза и айфон в розовом чехольчике. Не хватало только пушистого белого рюкзака, чтобы образ нимфетки был завершенным.

– Вот ты говоришь, что не было ничего у вас с Хенчиком?

Ленка прищурилась и сделала еще один угрожающий шаг навстречу. Меня перекосило от того, как наша староста умудрилась исковеркать имя Ли-сонсеннима. Это ведь примерно то же самое, как если бы я назвала ее «Нашечка» вместо Лена, оставив от имени последний слог, приукрашенный уменьшительно-ласкательным суффиксом. Только говорить ей об этом вообще не имело смысла. Лена всегда поступала так, как ей того хотелось, и мнение свое меняла крайне редко.

– Да. У меня нет и ничего не было с Ком Хеном! – упрямо повторила я, отказываясь признавать бесполезность попыток оправдаться. – И не будет, как и у вас, глупые курицы! Странно, что вы этого не понимаете. Он препод, причем правильный препод! Нужны вы ему больно! Неужели сами не видите очевидных вещей?

– Вон как заговорила!

Я решительно не могла слушать писклявый Светкин голос. От него начинала болеть голова.

– Значит, у нас шансов нет? А у тебя, стало быть, есть?

– А мне они не нужны! Это вы совсем сдурели! – крикнула я и, развернувшись, помчалась по коридору, надеясь ретироваться в туалет. Но звонок застиг меня на середине пути, и пришлось возвращаться в аудиторию. У самой двери я столкнулась с Таисией Вячеславовной – немолодой ухоженной преподавательницей, читающей у нас философию. Эта встреча позволила мне отсрочить скандал с сокурсницами. Они на меня неприязненно косились, правда не рискнули задирать на занятии в присутствии преподавателя. Но чувствовала я себя все это время очень неудобно. Я не привыкла находиться в контрах со всей группой. Я вообще редко с кем-либо ругалась.

Всю пару я ловила на себе ненавидящие взгляды и гадала, что послужило причиной для такой резкой смены настроения Лены? С чего она взяла, что я вру? Мы с ней не были подругами в полном понимании этого слова, но общались и довольно тесно. Такое отношение меня удивило и обидело. «А вот если бы Ком Хен обратил внимание на кого-то из них? – размышляла я. – Реакция была бы такая же? Как они делить-то его собираются, если вдруг кому-то повезет? Или их сплоченность как раз и держится на том, что они прекрасно знают – не повезет никому? Поэтому страдать могут коллективно?» Я не могла понять, из-за чего все

набросились на меня. Я ведь даже не посягала на святое! Он никогда не был мне нужен, и все девчонки это знали. Неужели один ничего не значащий эпизод мог изменить их мнение?

Но пытаться выяснить, в чем же, собственно, дело, я не стала. Жутко болела голова, и ссориться с одноклассницами снова не было никакого желания, поэтому я решила укрыться в туалете. Перемена короткая, а мне все равно нужно было туда прогуляться. Я очень надеялась, что за мной никто не пойдет. Но, видимо, зря. Наша староста не любила сдаваться и любое дело доводила до конца.

Меня поджидали у выхода. Как и прежде, впереди Лена, а за ней на расстоянии держались еще две девчонки, ее сопровождающие. Мне не понравился ни ее взгляд, ни сжатые кулаки. Я никогда ни с кем не дралась и совсем не хотела, чтобы мне вцепились в волосы в туалете, а Ленка могла, это было всем известно. С ней предпочитали не связываться.

– Ты думаешь, сможешь от нас спрятаться? – спросила она с вызовом, видимо чувствуя свою правоту и силу.

– А нужно? – устало отозвалась я, пытаюсь глазами отыскать пути для отступления. Но единственная дверь была за спиной старосты. – Лен, что происходит? Я парня у тебя увела, что ли? Или еще как досадила? Ты почему словно с цепи сорвалась? Из-за препода, который никому не светит? Это глупо.

– Так посветил же уже тебе! – Голос Лены от злости стал низким, а на щеках выступил румянец. – Какого черта ты всем лапшу на уши вешала, что он тебе не интересен.

– Может, потому, что он мне действительно не интересен, – повторила я, понимая, что уже сама сомневаюсь в собственных словах.

Впрочем, до вчерашнего вечера они были истинной правдой, а вот ночь слишком многое изменила. Но Лене знать об этом не нужно.

– А что же ты с утра пораньше из его машины вылезала, если он тебе даже не интересен? И не говори, что он тебя подвез, когда вы случайно встретились, все равно не поверю. Очень похоже на расставание тайных любовников. Высадил за пару кварталов до института и укатил в неизвестном направлении. Только вот, понимаешь, простые смертные пешочком ходят, а не разъезжают в машинах стоимостью больше пяти миллионов.

Я застыла с открытым ртом, гадая, кто мог донести Ленке. Или же она сама видела, вот и взбесилась? Такого поворота я не могла предугадать и не знала, что ответить. Прежде всего потому, что ни капли не чувствовала себя виноватой. Даже если бы вдруг у меня и правда был роман с Ком Хеном, разрешения у Ленки я бы спрашивать не стала, но наглая девица, похоже, считала иначе и ждала ответа. Правду я сказать не могла, а подтверждать Ленкины домыслы не хотела по многим причинам. Прежде всего потому, что я подставила бы Ком Хена.

– Молчишь? – Лена удовлетворенно кивнула, всматриваясь в мое ошарашенное лицо. – Я так и думала. Стерва ты, Романова, хотя и прикидываешься тихой овечкой.

Ленка ударила резко, но я успела отклониться назад, и ее длинные яркие ногти лишь скользнули по скуле, впрочем, весьма чувствительно. Я вскрикнула, прикрывая щеку рукой, а Лена удовлетворенно улыбнулась и, развернувшись, вышла, бросив через плечо:

– Он тебя очень быстро бросит. Приложу все усилия. И жизни тебе здесь не будет! Даже не сомневайся. Я не терплю предательниц!

– Психопатка! – в сердцах крикнула я ей вслед и повернулась к зеркалу, пытаюсь сдерживать слезы. Вот за что она так? Неужели думает, будто ее поведение на что-либо повлияет?

Я долго стояла перед зеркалом, рассматривая покрасневшую щеку, на которой остался след от длинного акрилового ногтя Ленки. Хорошо хоть до крови не разодрала. Нашу стычку видели многие, но никто не вмешался. Да и внимания особого не обратили. Мало ли из-за чего девчонки повздорили? Тут подобные выяснения отношений бывают не по одному разу на дню.

Глава 4

Стычка с Ленкой окончательно испортила настроение и сильно расстроила. Я не привыкла ссориться, спрашивать у сверстников, как можно и нельзя себя вести, воевать и отстаивать право на собственное мнение. В школе мне удалось проучиться без глобальных конфликтов, и я даже не знала, что так бывает. Точнее, знала, но на своей «шкуре» не испытывала. Не состояла ни в каких группах, не носила статус «самой красивой девочки в классе», но и изгоем не была. Получалось держаться немного особняком, заниматься, чем нравится, хорошо учиться и ни с кем не враждовать. Со мной всегда хотели дружить больше, чем я сама, и это положение вещей меня устраивало – был выбор. Да и в универе до вчерашнего дня удавалось обходиться без конфликтов, сохраняя со всеми отстраненно вежливые отношения. А тут! И ладно бы я действительно увела парня у старосты! За такое можно и пострадать, а ведь преподаватель корейского Ли Ком Хен мне даже не нравился, и быть у нас с ним ничего не могло по определению, я и внешность-то его еще два дня назад описать не могла, но теперь Лене ничего не докажешь. Она, уверенная, что я обманываю, станет мстить, сделав мое пребывание в вузе невыносимым. Будто у меня других проблем нет! Я определенно чем-то прогневила мироздание, иначе почему на меня свалилось все и сразу? И мистическая опасность, и древние артефакты с сексуальным преподавателем в придачу, и ненависть одногруппниц.

Идти на пары резко расхотелось. С одной стороны, конечно, не стоило показывать Ленке свою слабость, с другой – очень сильно хотелось спать, болела голова, и было дурное настроение, поэтому я все же решила смотаться домой и отдохнуть. Утро вечера мудренее, а там, может быть, в голову придет какое-то решение для всех проблем скопом.

Было немного страшно из-за того, что могут вернуться вонгви, но я верила Ком Хену, который пообещал, что твари сначала заглянут к нему, а потом уже и ко мне. Я опустила руки под холодную воду и постаралась успокоиться и уговорить себя, что все хорошо. Точнее, могло бы быть и хуже. В конце концов, я жива, здорова, и меня защищает красивый мужчина. Не пояись он вчера, скорее всего я бы уже была мертва, как мой маленький мобильник. Эти мысли заставили вспомнить, что по дороге домой я собиралась заскочить в ближайший магазин, где можно купить телефон и восстановить номер. Мой аппарат оплавился до такой степени, что напоминал скомканный кусок пластика. Даже извлечь сим-карту из него не получилось. Хорошо, что я была равнодушна к дорогим гаджетам, иначе бы жалела, а так... ну испортился, ну и ладно, все равно ему уже года четыре. Он был малофункциональный и страшненький, но совсем без мобильного тоже невозможно. Мама уже, наверное, испереживалась, что я ей сутки не звоню. Нужно было бы с утра написать мейл-агенте, но я совсем закрутилась и забыла.

Когда я выскользнула из туалета, уже началась пара, и коридоры заметно опустели. Это меня полностью устраивало. Не хотелось встретить кого-нибудь из знакомых. Выглядела я не лучшим образом. После бессонной ночи синяки под глазами, сами глаза красные от слез и еще царапина на скуле. Задумавшись, я совсем не смотрела по сторонам и очнулась, только когда на кого-то налетела. В нос ударил аромат свежего, с привкусом морского ветра парфюма, и я испуганно вскинула глаза. Извинения застряли в горле.

– Привет... – Низкий шепот с хрипотцой и ощутимым акцентом. Я встретила взглядом с корейцем, которого уже видела у входа в университет. Парень самоуверенно улыбался и смотрел на меня свысока, хотя это было довольно сложно сделать, учитывая, что мы примерно одного роста. Мне не понравилось выражение темных непроницаемых глаз. Оно было пронизывающе пугающим.

– Куда-то торопишься? – вполне вежливо поинтересовался он, но по спине от этих слов пробежал холодок. Интуиция буквально кричала: «Беги!»

– Вообще-то да! – сглотнула я и оглянулась по сторонам.

Кореец был не один. За его спиной маячили еще три молчаливые фигуры. «День, что ли, такой? – печально подумала я. – Все, кто попадаете мне на пути, ходят группками». Сопровождающие корейца парни походили друг на друга, как капли воды: невысокие, гибкие, с одинаковыми прическами и темными безразличными глазами. Даже одежда была куплена словно в одном месте. Впрочем, абсолютно все парни, на мой взгляд, одевались похоже. Джинсы и что-нибудь сверху. Летом с коротким рукавом, зимой и осенью с длинным.

Кроме группы корейцев в коридоре еще сидели влюбленные парочки, оккупировавшие подоконники, и несколько наших парней на лавочке у лестницы. А значит, мне ничего не угрожало. Я вообще во всем стала видеть угрозу, и это напрягало. Наверное, последние сутки вывели меня из состояния равновесия.

– Не хочешь прогуляться? – Оказывается, кореец все еще внимательно изучал меня из-под густых опущенных ресниц. – Могу предложить выпить чашку кофе.

– Нет, извини. – Я даже не думала над предложением. Оно для меня прозвучало как угроза. Просто буркнула и, обогнув испугавшую меня компанию, бросилась по коридору к лестнице. Я неслась, стараясь даже не оглядываться. Не хотелось общаться ни с кем. Как получилось, что я нигде не чувствую себя в безопасности? Восприятие действительности стало острее, и непривычное ощущение надвигающейся опасности мурашками пробежало по позвоночнику. Дыхание сбивалось, а сердце испуганной птицей трепыхалось в груди. Из университета я выскочила как ошпаренная. Сложно было объяснить, в чем дело и что меня так сильно напугало, но единственное, о чем я мечтала, – это убежать куда глаза глядят, точнее, в привычную обстановку собственной уютной квартирки. Там в моем распоряжении будет несколько долгих дневных часов, в течение которых можно отдохнуть. Даже самые страшные вонгви не смогут прийти ко мне днем. Я бегом преодолела территорию университета и свернула под арку одного из старых питерских дворов.

Так получилось, что уже второй день я практически сбегала с занятий. Причины для этого имелись разные, но закономерность настораживала. На задворках за корпусами было совсем тихо, и город казался нежилым. Так, по сути, и было. Этот ветхий дом находился за территорией университета, и здесь, насколько я знаю, практически никто не жил. Старый трехэтажный дом был заключен в плен более новых построек. Ни нормального выезда, ни подъездных путей. Иногда я сокращала здесь путь до «цивилизации». Так делали многие, но в разгар учебного дня, во время пар двор пустовал. Блекло-розовое здание местами с облупившейся штукатуркой. Две корявые липы с голыми черными ветвями, железные скрипучие качели, построенные, наверное, в позапрошлом веке, и покосившаяся лавочка – вот и все, чем мог порадовать унылый двор. Иногда здесь медленно прогуливались две, а иногда три древние бабулечки, но в такую погоду не было даже их.

Шаги у себя за спиной я слышала слишком поздно. Вскрикнув, повернулась и увидела прямо перед собой парня-корейца. Он хищно улыбался и молчал.

– Что тебе нужно? – выдохнула я и попыталась, но налетела на кого-то стоящего сзади, попыталась рвануть в сторону. Кореец сделал стремительный шаг и, схватив меня за запястья (видимо, чтобы я не попыталась отбиваться), толкнул назад в стальные объятия второго нападающего. Плечи сильно сжали, и я вскрикнула громче, но тут же замолчала, как только стоящий передо мной парень медленно достал нож. Клинок походил на оружие Ком Хена, только лезвие было не огненным, а прозрачно-белым, словно сделанным из льда.

– Не стоит кричать, – ласково шепнул кореец и нагнулся прямо к моему лицу. Я видела хищные раскосые глаза. Кошачьи – хитрые, опасные. В глубине зрачка плясало пламя, и я

понимала, если послушаюсь, оно вырвется наружу и тогда... я не знала, что случится тогда, но боялась этого так сильно, что даже живот скрутило.

– Что тебе нужно? – повторила я и сглотнула, чувствуя, как дрожат и подгибаются колени. Я бы упала, если бы меня не держали за плечи. Страх липкий, гораздо более острый, нежели ночью, сковывал, заставлял дышать прерывисто. Вонгви я боялась абстрактно. Не знала, что они могут со мной сделать, а вот на что способны несколько отморожков, могла представить отчетливо. Остро ощущая собственную беспомощность, я начала впадать в панику, пыталась вырваться, задержалась, но ничего сделать не смогла. Только плечи сжали сильнее, заставив снова вскрикнуть от боли.

– У тебя есть нечто... – начал парень, осторожно проводя лезвием плашмя по моим губам, а потом спустившись по подбородку к горлу. – То, что принадлежит... – Он замер, и я думала, что он скажет «мне», но парень с некоторым усилием произнес: – Моему саджин-ниму⁴. Эту вещь он искал очень долго. Если ты отдаешь ее, останешься жить... нет – мы отберем силой. В этом случае ты умрешь. Ты ведь не хочешь умирать?

Я судорожно сглотнула, боясь даже помотать головой, и пискнула:

– Не понимаю...

Не представляла, кто такой саджин-ним, но по голосу чувствовала – кто-то важный. Пугающий меня парень с кошачьими глазами словно принюхивался. Он наклонился так близко, что я могла разглядеть жесткие ресницы и почувствовать едва уловимый запах дорогого табака.

– Понимаешь! – словно припечатал он. – Я уверен, что ты понимаешь. Вряд ли у маленькой глупой агасши⁵ так много антикварных вещей с Востока, с которыми в последнее время случилось нечто странное... Правильно ведь? Или ты хочешь меня удивить и скажешь, будто у тебя где-то припрятана целая сокровищница?

Нож повернулся, и теперь в горло упиралась острая кромка – нажмет посильнее – и все: «Прощай, Лика Романова!» Парень заметил в моих глазах страх и с нехорошей улыбкой чуть надавил, заставив лезвие впиться в кожу. Из глаз брызнули слезы, но не от боли, а от ужаса и невозможности что-либо изменить. Я себя чувствовала совершенно беспомощной. Шею обожгло – боль не сильная, но я ощутила, как по коже потекла теплая струйка крови.

Корец посмотрел мне прямо в глаза, убрал нож, а потом наклонился и медленно провел языком по шее, слизывая кровь. Я содрогнулась от отвращения и ужаса, дернулась, но мне не дали отстраниться.

– У тебя время до завтра. Поняла? – Он отступил и облизнул нижнюю губу – сексуально, чувственно, и я ощутила, как к горлу подкатывает тошнота. – Потом отберу силой. Ты ведь этого не хочешь?

Я замотала головой, чувствуя, как меня колотит крупная дрожь, трясутся руки, а из горла дыхание вырывается с хрипом и рыданиями.

– Вот и хорошо. – Корец почти нежно поправил мой шарф, видимо, закрывая рану, которая, судя по ощущениям, почти не кровоточила.

Плечи отпустили, и я пошатнулась.

– А это напоследок, – шепнул мне на ухо парень и, отступив, сделал странное движение руками. Словно пытался слепить комок наподобие снежного. Я с ужасом заметила, как воздух уплотнился, стал вязким, похожим на переливающийся мыльный пузырь, внутри которого гуляет буря. Потом корец замахнулся и пустил «снаряд» мне в солнечное сплетение.

⁴ Саджин-ним – обращение к руководителю, начальнику (кор.).

⁵ Агасши – обращение к молодой девушке. Согласно некоторым источникам, имеет негативную окраску (кор.).

ние. Я охнула и упала на колени. Показалось, будто вышибли из легких весь воздух. Слезы лились, не переставая, и последнюю фразу я почти не услышала.

– Это чтобы ты поняла – я не шучу. Либо приносишь завтра то, что должна, либо умрешь. Поверь, эта маленькая демонстрация даже не сотая часть того, что я могу с тобой сделать. Усвоила?

Я не заметила, когда они ушли, и не могла заставить себя даже подняться. Так и сидела на коленях на мокрых пожухлых листьях под морозящим дождем. Мне никогда в жизни не угрожали, и меня никогда никто не бил. Так страшно не было даже вчера ночью, когда похожие на сладкую вату вонгви загнали меня в угол у дивана и намеревались сожрать. Тогда все походило на плохо срежиссированный фильм, сейчас происходящее было отвратительно реальным. Еще вчера я и помыслить не могла, что со мной может случиться подобное. Я всегда жила совсем в другом, безопасном и уютном, мире. Сегодня он разлетелся на сотню осколков, заставив меня с головой окунуться в пугающую враждебную реальность, где я себя чувствовала ничтожным муравьем, которого очень легко раздавить.

Паника накрыла с головой, мешая рассуждать здраво, и я, как только смогла сдвинуться с места, сразу рванула в универ, даже не подумав привести себя в порядок. Мне нужно было как можно быстрее найти Ком Хена и забрать у него шпильки. Я не хотела ждать до завтра. Предпочитала уже сегодня закончить этот кошмар и отдать корейцу пинё. Все дело в них, я была уверена. Не знала, как он понял, у кого артефакт, но, видимо, Ком Хен оказался прав. За шпильками охотились и ждали их пробуждения. Сто лет – долгий срок. Если про пинё не забыли, глупо пытаться их скрыть, нужно выполнить требования. И после этого, возможно, моя жизнь вернется в прежнее спокойное русло. Сейчас проблемы из-за ненависти одноклассниц и нелепых сплетен казались надуманными и мелкими. У меня и мысли не возникло сомневаться в словах корейца. Я знала, завтра он меня без сожаления убьет, и никто не встанет на мою защиту. Вчера Ком Хен оказался неподалеку случайно, а уже сегодня удача мне изменила.

Проблема была в том, что я не знала адреса Ком Хена, и даже номер телефона в сумке отыскать не смогла. Несколько раз с рыданиями перевернула все содержимое, высыпала помады, пудреницы и блокноты в пожухлую траву, а потом вместе с листьями засыпала обратно в сумку, но визитки не было. Она словно в воду канула как раз тогда, когда оказалась так нужна. Впрочем, позвонить я бы ему в любом случае не смогла, так как осталась без мобильного. Поэтому и помчалась в деканат, не заботясь о том, как выгляжу и что обо мне подумают. Внешний вид волновал меня сейчас меньше всего.

Пара закончилась, и коридоры постепенно наполнялись народом. На меня оглядывались, и некоторые крутили пальцем у виска, но мне было не до общественного мнения. Я влетела в помещение деканата без стука, перепугав пожилую секретаршу Веру Игоревну, которая даже папку с бумагами уронила на пол.

– Анжелика, что с вами? – всполошилась она, поправляя круглые очки в старомодной оправе. – Что-то произошло? Вас кто-то обидел? Вы очень странно выглядите.

Вера Игоревна, как всегда, была тактична даже в ущерб фактам. Выглядела я не странно, а ужасно. В ответ на ее слова рыдания стали глуше и сильнее. Я попыталась их остановить, но в результате разревелась еще больше, стараясь между всхлипами доказать, что все нормально, а грязная я вся исключительно потому, что случайно упала, пока бежала по улице. И расстроилась поэтому же. Грязные коленки для девушки – это действительно трагедия.

Наш декан Федор Алексеевич – видный мужчина лет пятидесяти посмотрел на меня заинтересованно, но в разговор вмешиваться не стал, предпочтя спрятаться за ворохом бумаг и сделать вид, что ровным счетом ничего не происходит. На счастье, больше никого в деканате не было, и мой позор наблюдали всего два человека.

– Вера Игоревна! – Я утерла со щек слезы, глубоко вздохнула и попросила: – Мне нужен адрес Ли-сонсеннима. Очень-очень срочно!

– Что? – удивилась секретарша. – Анжелика, мы не можем дать вам адрес преподавателя. Это против всех существующих правил. Чем обосновано это нелепое желание?

– Просто мне нужно! – стараясь успокоиться, всхлипнула я, начиная осознавать, насколько глупо и подозрительно выгляжу. Но иного выхода из ситуации я не видела, поэтому продолжила настаивать на своем. Пути назад не было.

– Анжелика... – Федор Алексеевич выглянул из-за бумаг и осторожно поинтересовался: – Между вами и Ли Ком Хеном что-то произошло? Ну... – Он замялся. – Что-то, о чем нам следует знать? Вы можете все нам рассказать, и в случае чего мы обязательно посодеествуем. Не переживайте, в сложных, конфликтных ситуациях мы обязательно встанем на сторону студентки.

– Нет. Ничего между нами не произошло, – устало вздохнула я, чувствуя, что сейчас просто упаду на ближайший стул и снова разревусь. На сей раз от беспомощности. – Ничего.

– Тогда почему же... – начала Вера Игоревна, выразительно покосившись на мою мятую и грязную одежду.

– Мой внешний вид и состояние – это проблемы личного характера...

– И связаны они с тем, что Ли-сонсенним... – вкрадчиво произнес декан.

– Да не связаны они с ним! – крикнула я. – Со мной они связаны! И только со мной. Ну, пожалуйста, дайте мне адрес Ли Ком Хена.

– Неужели и правда он оказывал вам знаки внимания... – покачал головой Федор Алексеевич и помрачнел.

– Вы сами-то себе верите? – Я фыркнула. – Он и знаки внимания! Слезы вообще по другой причине! Неужели вы не можете помочь? Вам что, сложно? Это вопрос жизни и смерти!

Я уже совсем отчаялась. Меня не хотели слушать и понимать, а рассказать я ничего не могла. Даже если признаться, что меня избили, вряд ли этот факт объяснит, почему мне нужен Ком Хен, а не полицейские.

– Хорошо! – сдалась Вера Игоревна, но губы недовольно поджала, показывая, что делает величайшее одолжение. Увидев мой полный надежды взгляд, секретарша махнула рукой в сторону.

– Нет, адрес не дам, – строго заметила она. – Но Ли-сонсенниму позвоню. Выйдите пока в коридор. Мне бы не хотелось, чтобы вы начали истерить в трубку! А поверить вам на слово, простите, я не могу. Вас бы вообще-то следовало отправить в больницу, чтобы доктор что-нибудь успокаивающее вколол.

– Не нужно в больницу! У меня все хорошо! – ответила я и дрожащими руками поправила шарф – не хватало еще, чтобы кто-нибудь заметил порез на шее.

– Вот и замечательно. Ждите снаружи и прекратите реветь, раз уж вы утверждаете, что у вас все хорошо.

Я послушно кивнула и вышла. В коридоре устало закрыла глаза и облокотилась о стену. Паника, страх и отчаяние постепенно отступали, и я начала соображать, что натворила и как мое выступление выглядело со стороны. Похоже, я предоставила всем очередной повод для сплетен, и он снова связан с Ком Хеном. Студенты в коридорах смотрели на меня с жалостью и легким презрением, из чего можно было сделать вывод, что часть разговора стала общим достоянием. Интересно какая? Если станет известно, что я клянчила со слезами в деканате адрес Ком Хена, преподаватель меня возненавидит. В деканате мне, по-видимому, не поверили, а значит, следующий, к кому будут приставать с глупыми вопросами, – это сам Ком Хен.

«Да что же это такое? Я ведь ничего подобного не хотела!» – уныло размышляла я, желая как можно быстрее сбежать отсюда, но Вера Игоревна не торопилась позвать меня

обратно в деканат. Может, Ком Хен не берет трубку? Тогда ему точно не будут перезванивать или он просто не хочет меня видеть? Он ведь не обязан мне помогать? Подобные мысли заставляли меня нервничать сильнее. На глаза снова навернулись слезы, руки дрожали. Снова хотелось броситься в деканат и делать глупости, но я заставляла себя дышать ровно и ждать.

В довершение всех неприятностей с противоположной стороны коридора ко мне приближалась Ленка. Она шла словно королева – медленно и величаво и явно была настроена на скандал. А у меня просто не осталось сил противостоять сегодня хоть кому бы то ни было. Ленка не пугала после встречи с корейцами, охотящимися за пинё, но я боялась, что разревусь даже просто от повышенного голоса. Нервы были натянуты, словно струна. Меня спасла Вера Игоревна, которая выглянула из деканата и сунула мне в руку бумажку.

– Вот Романова, держи. Не знаю уж, что у вас там произошло, но зря ты устроила такую истерику. Подошла бы тихонечко, попросила, и все было бы хорошо. А так! – Секретарша укоризненно покачала головой и скрылась в кабинете, а я рванула к выходу, стараясь избежать неприятных встреч.

На крыльце меня все же догнала Ленка, которая с удовольствием произнесла:

– А я говорила, что он бросит тебя. Кому ты, вобла тощая, нужна?! Мне рассказали, как ты в деканате истерила! Ни кожи ни рожи, а все туда же! Таких, как ты, учить нужно!

– Никто меня не бросал, – хрипло ответила я, чувствуя, что еще одно слово – и ударю нахальную девицу. Чаша терпения на сегодня переполнилась, и мне внезапно стала настолько безразлична Ленка с ее дикой, черной и совершенно бессмысленной завистью, что я была готова сказать ей все что угодно, невзирая на последствия.

– Залетела, что ли, тогда? – еще гаже хмыкнула Ленка, а я бросила:

– Да пошла ты! – развернулась и помчалась в сторону станции метро. Пинё и корейцы, которые обещали за них убить, сейчас меня волновали значительно больше, чем маразматические слухи и сплетни, которые староста обязательно разнесет по вузу, словно вирус.

Меня трясло, болели плечи и запястья. Да и солнечное сплетение, куда кореец швырнул какой-то странный комок, неприятно ныло. Но хуже всего то, что мне впервые в жизни было до безумия страшно. Настолько, что мутнело в глазах и к горлу подкатывала волна тошноты, а я была готова сделать что угодно, лишь бы все прекратилось и жизнь вернулась в нормальную колею. Я бежала под мелким морозящим дождем по лужам, не разбирая дороги и не оглядываясь по сторонам. Слезы сами текли по щекам, и я их изредка вытирала рукавом тонкой ветровки. Куртка, которую планировала забрать из гардероба, там так и осталась. Только добежав до метро и промокнув до ниточки, я про нее вспомнила, потому что начала замерзать. До этого момента мне было все равно. Тихая, размеренная и спокойная жизнь изменилась в мгновение ока, и я не знала, как вернуть все обратно.

Я по-прежнему не верила в то, что вокруг творится нечто мистическое. Видела реальные подтверждения, но все равно воспринимала их как выдумку, не имеющую связи с привычным и обыденным миром. Опасность казалась призрачной, а вот кореец оказался слишком реальным. Его угроза была понятна, и боль запомнилась надолго, повторения этого не хотелось. И не имело значения, как он ударил меня, руками или чем-то непонятно магическим. Какая разница?

Поэтому я готова была отдать что угодно, лишь бы все вернулось на круги своя. Правда, мерзкий внутренний голосок на краю сознания тихо нашептывал, что так, как раньше, уже не будет, но я его отгоняла и запрещала себе думать о плохом.

Я смутно помнила, как добралась до элитного микрорайона, в котором жил Ком Хен. Только замерев перед подъездом, ведущим в фешенебельный дом, в очередной раз поразила: откуда у скромного преподавателя такие деньги? Впрочем, он же сказал, что сбежал из Кореи, так как за его кровью шла охота. Вполне может быть. Это обстоятельство не отме-

няет те слухи, которые ходят по универу, – Ком Хен принадлежит к богатой и уважаемой семье. Отсюда и деньги.

Парадная была как в кино – с коврами дорожками и консьержем, который посмотрел на меня подозрительно, но, услышав фамилию, пропустил. Видимо, Ком Хен предупредил о моем визите. Я взбежала по лестнице на третий этаж и нерешительно постучала в темно-серую металлическую дверь. Она казалась монументальной и неприступной, как и ее хозяин.

Глава 5

Внезапно стало одновременно неловко и страшно. Явилась без приглашения, а предварительно еще и скандал в деканате закатила. Вот что он теперь обо мне подумает? Ничего хорошего, однозначно. Впрочем, его мысли совершенно не важны, главное – забрать пинё и постараться решить все проблемы, а потом зайти в деканат и все же попросить поменять язык изучения. А если не выйдет, можно вообще забрать документы и попробовать перевестись в другое место. Подобная мысль еще накануне не приходила мне в голову, а сейчас она виделась чуть ли ни единственным выходом из сложившейся ситуации. Я очень хотела сбежать от событий последних двух дней и всего, что о них напоминало. Да и атмосфера в группе вдруг стала совсем недружественной. Университет перестал быть тем местом, куда хотелось бы вернуться.

Открывший дверь Ком Хен, судя по выражению лица, был не очень рад меня видеть, что совершенно неудивительно. Губы поджаты, брови нахмурены, а руки скрещены на груди, от чего белая домашняя футболка натянулась на плечах, обрисовывая рельефные мускулы. Ком Хен выглядел очень молодо, наверное, из-за домашней одежды, которая совсем не вязалась с привычно строгим обликом преподавателя. Даже лед в глазах сейчас был совсем другим. Впрочем, он начал таять, когда Ком Хен посмотрел на меня внимательнее. На смену холодному отстраненному недовольству пришло совсем иное выражение, которое я бы охарактеризовала как едва сдерживаемую ярость, но она очень быстро растворилась в черном безразличии его глаз. Я представляла, что вид имею жалкий. Волосы слиплись, и по ним стекает вода, тонкая ветровка промокла насквозь, тушь, которую я торопливо нанесла в туалете универа, размазалась, а на щеке красной полосой обозначился след от ногтя Ленки.

– Анжелика, что произошло? – обеспокоенно поинтересовался он и отступил, пропуская меня внутрь. Цепкий взгляд скользнул по щеке и на секунду задержался на шарфе, закрывающем шею.

– Мне нужны пинё, – сказала я, не торопясь заходить в квартиру. – Очень нужны!

Снова потекли слезы, и Ком Хен скомандовал:

– Быстро заходите! И расскажите, что случилось! Судя по всему, об этом не стоит разговаривать через порог. К тому же вы вымокли насквозь! Так и простыть недолго.

– Все плохо! – Единственное, что я смогла произнести, и разрыдалась, присев на пол у него в прихожей. Кажется, реветь в обнимку с сапогами и ботинками стало входить у меня в привычку.

– Анжелика, ну что вы?! – Ком Хен выглядел растерян и озабочен. Он взъерошил короткие черные волосы и с несчастным видом уставился на меня. – Перестаньте и объясните, что произошло. Хотя... – Он задумался и еще раз окинул меня пристальным взглядом, видимо подмечая каждую мелочь в моем облике. – Ничего не рассказывайте. Вы не в том состоянии, чтобы говорить. Проходите, умойтесь, отдышитесь, а я напою вас чаем. Нормальным чаем, а после обсудим все возникшие проблемы.

– Не хочу я чай! – Истерика не отпускала, руки мелко дрожали, и хотелось бежать, схватить пинё, отдать их избившим меня уродам и спрятаться дома, закрывшись ото всех.

– Расценивайте чаепитие как лекарственное средство. О некоторых вещах лучше не заводить разговор сразу, сначала стоит успокоиться. Все равно в данный момент, подзреваю, у вас получится только реветь.

Ком Хен был неумолим, он даже поднял меня, крепко ухватив за руку. Я поморщилась, запястья пронзила неприятная боль. Мужчина заметил гримасу и перевел взгляд на мои руки. Рукав ветровки задрался, и стал виден синяк. На лице Ком Хена промелькнула тень, а в чер-

ных внимательных глазах вспыхнули искры. Я готова была поспорить – он зол. Чертовски зол. Но на лице не дрогнул ни один мускул, Ком Хен не сказал ни слова и сразу же отпустил руку, когда понял, что я уверенно стою на ногах и никуда не упаду.

– А может, вы мне просто отдадите шпильки, и я пойду? – Я предприняла последнюю попытку. – Они же мои, я могу их забрать, когда захочу...

– Можете, можете... – Ком Хен кивнул, подталкивая меня в сторону ванной комнаты. – Но сначала умоетесь, успокоитесь, попьете чаю и расскажете, что еще произошло в вашей жизни. Это напугало вас сильнее, чем вонгви.

От воспоминаний снова начало потряхивать, но я послушно прошла в ванную комнату, отмечая про себя, что Ком Хен был все же прав, сейчас я бы не смогла связать двух слов. От одних мыслей хотелось позорно разрыдаться, что я и сделала, едва за спиной закрылась дверь.

Ванная комната оказалась большой. Нет, не так – она была просто огромной, неприлично роскошной и очень интимной. Мне стало немного не по себе. Здесь находились личные вещи, которые, как мне казалось, я не должна была видеть: банный халат на вешалке, зубная щетка в стакане, и флакон с туалетной водой, запах которой был до боли знаком, стоял на полке у зеркала. Все остальное, вероятно, было убрано в шкафы, но и этого оказалось достаточно, чтобы я испытала неловкость.

Не смотреть по сторонам не получалось, поэтому я решила удовлетворить свое любопытство. В первую очередь внимание привлекал черный глянцевый потолок с точечными светильниками – это меня покорило сразу. Я привыкла, что потолок обычно белый и матовый. Черный должен бы казаться ниже, но ничего подобного. Этот создавал впечатление бесконечного звездного неба. Возможно, из-за множества светодиодов, размещенных под натяжной тканью. Пол в ванной тоже был черным, а стены насыщенного бордового цвета, выложенные матовой плиткой с легким глянцевым рисунком, который издалека походил на брызги воды и точно так же повторялся на черной половой плитке. Войдя в ванную, я даже попыталась обойти глянцевые брызги, на секунду предположив, что на полу разлита вода.

Я подошла к прозрачной раковине и открыла воду. Специально повернула синий вентиль, хотелось немного прийти в себя. Несмотря на то что я и так замерзла, освежающая прохлада была лучшим из доступных средств, чтобы возратить ясность мысли. Похоже, для снятия стресса холодная вода, как и рыдания на корточках рядом с обувью, входят у меня в привычку. Я держала руки под мощной струей и думала о том, что творится в жизни. Все мысли, как одна, были безрадостные и упаднические. Очнулась лишь, когда пальцы начало сводить от холода. Зато в голове прояснилось, и я наконец-то взглянула на свое отражение в зеркале.

Выглядела я, конечно, отвратительно. Иного и ожидать было нельзя. Тяжелая, страшная ночь перетекла в ужасный день. К тому же я замерзла, промокла и навредилась. Результат всего этого был налицо, причем и в прямом и в переносном смысле. Обычно блестящие черные волосы сейчас казались тусклыми, безжизненными и давно неммытыми. Они уже немного подсохли, но спутались от ветра и висели неопрятными сосульками, расчесывать которые пришлось довольно долго. Я очень надеялась, что Ком Хен не оскорбится из-за того, что я воспользовалась его расческой. Глаза покраснели, веки припухли, тушь размазалась и придала мне болезненный вид, так как походила на серые тени усталости. Я с наслаждением умылась, но поняла, что не стала симпатичнее. Бледные дрожащие губы, огромные испуганные глаза, не такие чернильно-черные, как у Ком Хена, но все равно непривычные для средней полосы России. Темно-карие цвета горького шоколада.

Мне шел макияж. Без него я походила на блеклый негатив. Черты лица в целом яркие и немного экзотичные словно стирались из-за более светлых ресниц с бровями и неярких

губ. Впрочем, для кого мне сейчас выглядеть хорошо? Не для Ли-сонсеннима же? У него и без меня поклонниц хватает. Конечно, я могла убеждать себя сколько угодно, но тем не менее стеснялась того, что сейчас на порядок страшнее, чем выгляжу обычно.

Когда размотала шарф, то заметила, что на шее видна небольшая, сантиметра три длинной, тонкая царапина – почти незаметное напоминание о сегодняшнем унижении. Синяки на запястьях выглядели страшнее. Я не стала снимать влажную кофту, чтобы посмотреть, на что похожи плечи и живот. Подозревала, что синяки там не меньше, чем на руках. Но сделать было уже ничего нельзя, только если дома намазать гепариновой мазью, а сейчас даже не стоит расстраиваться по этому поводу. Лучше не думать и постараться забыть. Только вот почему-то не получается.

Я выдохнула, собралась с мыслями и вышла из ванной в широкий коридор, выдержанный в светлой фисташковой цветовой гамме. Бледно-зеленые стены и мягкий беж ковра на полу после агрессивной ванной комнаты действовали умиротворяюще. Здесь отдыхал взгляд, но как мне казалось, ванная значительно больше говорит о своем владельце. Коридор, комнаты – это внешняя оболочка, то, что человек хочет продемонстрировать гостям, а вот ванная и спальня отражают внутреннее состояние. Правда, мой стройный логический ряд рушился, едва только я вспоминала свою квартирку. Если так судить, то внутри у меня самая дешевая бледно-голубая плитка, скрытая задернутой шторкой с дельфинчиками. Но я не имела возможности оборудовать свою квартиру так, как мне того хочется, а вот у Ком Хена средства для этого были, да и желание, похоже, тоже.

«И все же интересно, в спальне у него такая же агрессивная обстановка, как и в ванной? Черные простыни, шелк, вишневые шторы?» Отогнав опасные мысли о преподавательской спальне, я зашла в комнату, которая, по всей видимости, служила столовой, совмещенной с гостиной.

– Анжелика, проходите! – Ком Хен сидел за стеклянным столом. Перед ним на столешнице были разложены циновки и расставлена посуда для чайной церемонии. Я такую видела на каком-то фестивале еще в прошлом году. Никогда не думала, что корейцы используют это все в повседневной жизни. Я не питала иллюзий, что подобная честь оказана мне. Скорее всего, для Ли-сонсеннима все это было привычно.

Я прошла в комнату, стесняясь и не представляя, как себя вести. Чувствовала себя жалкой, неловкой и чужой на белоснежном ковре среди дорогой мебели и возле Ли Ком Хена, расслабленно откинувшегося на спинку стула и переставляющего небольшие пиалы для чая.

– А может, вы мне отдадите... – снова завела я старую песню.

– Анжелика, – мужчина укоризненно покачал головой, – вам ведь помогло умывание, правильно? Вы не рыдаете, не впадаете в истерику. Вам лучше?

Я нерешительно кивнула, еще до конца не понимая, куда он клонит.

– Ну вот видите, мои советы оказались кстати! – Ком Хен искренне улыбнулся, пожалуй, впервые на моей памяти. Улыбка получилась озорная, совсем мальчишеская и очень красивая. – Поэтому слушайте меня и дальше. Подождите полчаса, и после этого вы сможете рассказать мне то, что произошло, спокойно, не срываясь в рыдания. Вам же самой станет легче. В данный момент не уверен, что вы сможете ясно изложить свои мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.